

ПУТЬ ИМПЕРАТОРА

Пролог

Медленно двигалось многотысячное войско. Черные стяги пехоты, значки наемной конницы, разномастные дружины благородных Владык. И во главе каждой тысячи трубачи в зеленом и знаменосец, сжимающий ясеневое древко имперского флага, надменного Коронованного Льва. Медленно, как огромный тощий слизняк, сборное войско Императора Йорганкеша перетекло долину и начало втягиваться в зеленое горло ущелья Двух Исполинов. Теснину наполнил гул, созданный тысячами сапог и копыт, топчущих ее каменистое дно...

— Дурак он был, дураком и помрет. — Тысяцкий Гронир выплюнул комок жевательной смолы. — Мой самый тупой десятник и тот послал бы дозоры поверху; у него что, ползунов нет?

— Может, и есть, — отозвался Фаргал. — А может, уже и нет, если они добрались до троп, которые держат мои горцы.

Гронир, могучий воин в алых, как кровь, доспехах, год назад потерявший правую руку, но по-прежнему страшный боец, презрительно фыркнул. Гвардия недолюбливала наемников. Не нужно быть Фаргалом, чтобы поднять против законного хозяина, Императора, больше половины наемных сотен. Но нужно быть Фаргалом, чтобы бросить вызов пятикратно превосходящей численностью армии Владыки Карнагрии. Сто семь тысяч копий у Йорганкеша. А у Фаргала пятьдесят одна сотня наемников, тысяча союзных соктов, восемнадцать сотен с бору по сосенке и главное — пятнадцать тысяч Алых! Гвардия помнит, кто ее спас. И помнит, по чьей милости их едва не перебили проклятые фетсы. Один Алый — это по меньшей мере три Черных пехотинца. Сейчас выходит немного больше, чем три. Так что, может быть, не такой уж сокрушительный перевес у противника. Всего-то вдвое. А ведь есть еще Фаргал. Пришедший из

соседнего Эгерина герой Карнагрии, Фаргал, не проигравший ни одной битвы. А сколько сражений отдал Царь царей Йорганкеш... Пальцев не хватит сосчитать.

Императорское войско наполовину всосалось в зеленую трещину.

— Вот бы их сейчас камушками... — мечтательно произнес тысяцкий.

— Гронир! — Фаргал усмехнулся. — Это же мои будущие подданные!

— Ах да. Я запамятовал! Прости... Император!

Алый согнулся в поклоне, но не удержался, захихикал. Столько выпито, пройдено, прожито бок о бок, что они до смерти в одной упряжке. Свои. А Фаргал не какой-нибудь двуязычный Йорганкеш. Тоже свой, хоть и не Алый и даже не карнит. Не Алый, но... лучше!

— Лишь бы сокты не сплеховали, — пробормотал Гронир. — Все же земля здесь, не палуба...

— Так, тысяцкий, — голос Фаргала стал жестким, как плеть из буйволиной кожи. — Вот это уже не твоя забота. Двигай к своим, и готовьтесь. Я дам знак.

— Понял. Что еще, Император? — уже без тени иронии.

— Ничего. Все проговорено.

Гронир выпрямился и грохнул латной рукавицей по алой кирасе. Уверенность Фаргала передалась ему и через него перейдет к остальным тысячникам гвардии. И дальше.

Фаргал посмотрел, как неуклюже спускается с утеса алая одна-рукая фигурка, и подумал, что сам соскользнул бы вниз с легкостью ящерицы. Но он останется здесь, наверху, на каменном пальце, угрожающе воздетом над желтым столом плоскогорья. Отсюда видны и узкое горло теснины, и ее оконечность, обрамленная полосой темно-зеленой травы. И отсюда сам Фаргал виден каждому в его немногочисленном войске.

«Помоги мне, сияющая Таймат!» — попросил он и коснулся рукояти меча.

Ему предрекли славу, но много ли стоит предсказание, если победа достанется другому...

Авангард армии Йорганкеша был уже в четверти мили от выхода на плоскогорье. Торопится. Когда ему доложили, что Фаргал увел войско в горы, Император, говорят, загрустил. Но

ПРОЛОГ

когда ему показали карту... Ущелье Двух Исполинов выходило на десятимильное плоскогорье Красных Цветов, ровное, как пиршественный стол (если не считать нескольких утесов), и закрытое, как запечатанный кувшин, если заблокировано ущелье. Хороший ползун может перебраться через его каменные стены, но не конница Алых. Спешил Йорганкеш, спешил к победе, как он полагал. Фаргал мог запросто угадать его мысли. Вот он выйдет из ущелья, развернет свои сто семь тысяч против девятнадцати тысяч мятежника, затрубят трубы, забьют барабаны — и благороднейший из благородных Император Йорганкеш задавит бунтовщиков, как носорог давит попавшего в ловушку леопарда. Йорганкешу битва представлялась чем-то вроде фетской игры «Башни и всадники». И если одному из игроков вздумалось отлучиться, чтобы выпить вина, второй не станет воровать с поля фигуры.

Фаргал поднял руку, уповая на то, что зоркие глаза корабеллов-соктов разглядят его поднятую десницу за три с половиной мили.

Черный червяк имперской пехоты медленно полз по ущелью. А по обе стороны выхода из теснины, не видимые из зеленой щели, выстроились крохотные квадратики гвардейских тысяч. Как их мало!

Фаргал ощутил жгучее желание лично возглавить войско. И даже пожалел, что поклялся Кен-Гизару и Люгу не обнажать меч в этой битве!

Пора!

Фаргал резко бросил вниз руку с алым флажком. И мысленно перенесся туда, где разворачивалась в боевой порядок тяжелая конница. Он словно услышал отрывистые выкрики сотников, свист десятников, короткое ржание возбужденных лошадей и, наконец, слитный, громоподобный грохот тысяч копыт. Алые пошли!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЙДЕНЬШ

Эти пыльные дороги,
Эти звонкие мосты.
Справа — синих гор отроги,
Слева — дым чужой беды.

По веселым мягким травам
И по шумным площадям.
Жизнь бродячую, отраву,
И за царство не отдам.

Мы в тени густого бора
Разожжем свой костерок.
Хорошо в ночную пору
Слушать листьев говорок.

Пусть Судьба играет с нами
В колесо добра и зла.
Что из тьмы летит на пламя:
Мотылек или стрела?

Глава 1

Два пестро разрисованных фургона, подпрыгивая и переваливаясь, катили по тракту, соединяющему город-порт Буэгри с Верталном, столицей Эгерина. Желтый шлейф взбитой колесами пыли надолго повисал в неподвижном воздухе. Сезон дождей миновал, и щедрое солнце высушило глинистую почву до каменной крепости. И это куда лучше, чем жидкое болото, в которое превращалась половина путей империи в Мокрый месяц.

Дорога была приличной, и лошади без труда тянули оба фургона навстречу новому дню, но настроение у циркового старшины Тарто было препаршивое. Потому что этой ночью боги прибрали к себе его любимого внука.

Четыре года было мальчишке. Еще вчера смеялся и хлопал в ладоши на вершине «живой пирамиды». А вечером вдруг слег — и недотянул и до полуночи. Помер. Похоронили близ дороги, у камня с громовой стрелой Ашшура. Пусть верховный бог хранит невинное дитя. Мать пришлось сонным настоем поить: не хотела отдавать тело, не верила, что мертв...

Тарто тяжело вздохнул: вот так до сих пор и лежит бедняжка Мили. И вряд ли оправится до следующего селения, как там его... Приречье. Ну да что теперь...

Слева и справа от тракта тянулись заброшенные поля. Нерадив местный Владыка? Нет, скорее почва плоха.

Вдоволь постранствовав по Четырем Империям, старшина цирковых понимал в землепашестве не хуже идущего за плугом. А может, и получше, поскольку умен Тарто и глаз у него хоть один остался, да острый.

Вот этим острым глазом и углядел старшина впереди комочек тряпья и светлую детскую головку.

На миг показалось старшине — внук! Даже дух захватило: внук? Но подкатил поближе, ясно стало: нет, другой. И хвала Ашшуру! Днем призрак увидеть — к большой беде.

А хороший такой мальчишечка: мордочка круглая, грязная, веселая. Увидел фургоны, лошадей цирковых, красногривых с зелеными султанами, вскочил, рукой замахал. Обрадовался.

В иное время Тарто проехал бы мимо. Мало ли бродяжек-сирот странствует по эгеринским дорогам, таких маленьких и невзрачных, что даже работороговец погнушается? Но тут не выдержал. Ёкнуло сердце, и натянул старшина вожжи:

— Тпрру, родимые, стой!

Возница второго фургона, Налус, старший сын и правая рука, тоже придержал свою пару, крикнул:

— Чего там, батя?

Не видно ведь за широкобоким фургоном.

Не ответив, Тарто соскочил на землю и зашагал к малышу.

Тот стоял, улыбался по-прежнему, только рукой махать перестал. Этакая кроха, а не испугался ничуть одноглазого дядьки.

Тарто подошел вплотную, присел на корточки.

— Ну, — сказал он, — привет!

— Привет! — охотно отозвался кроха.

Одежка на нем рваная, грязная, как собачья подстилка. А глаза огромные, серые с синевой, и ямочки на щеках.

— Меня зовут дедушка Тарто, — сказал старшина. — А тебя?

— Фаргал!

— Красивое имя. А ты откуда взялся, Фаргал?

Мальш передернул плечиками.

— Не знаю, — ответил очень серьезно.

— Есть хочешь?

— Угу.

— Ну пойдём.

Старшина, хрустнув коленями, встал и пошел к фургону. Мальш засеменял следом. Тарто подхватил его, забросил наверх, прямо в руки выглянувшей рабыни-карнагрийки.

— Накорми, — велел старшина. — Теперь он наш.

— Батя, ну чего стали? — снова крикнул Налус.

— Ничего, — отозвался Тарто и взял вожжи. — Поехали!

Ночевать устроились над речкой. Перевалили через деревянный обветшавший мост, проехали малость по берегу, до ореховой рощи. Места здесь тихие, шальных людей на дорогах немного, тем более таких, чтоб рискнули выступить против четырех вооруженных мужчин.

Труппа у Тарто большая. Два его сына, Кадол и Налус, жена Налуса, дочь Мили с мужем, бывшим войсковым десятником по прозвищу Большой, жена самого Тарто и рабыня-карнагрийка, купленная по случаю. Итого восемь, не считая троих младших и теперь вот найденьша.

Спящую Мили муж ее, Большой, вынес из фургона на руках. Ему не в тягость, он четверых таких запросто понесет.

Распрягли лошадок, выкупали и отпустили пастись. Цирковые кони умные: далеко не уйдут. Затем сдвинули фургоны, развели огонь с предосторожностью — чтоб с реки не видать. Мальчишек Тарто послал орехи собирать, а сам стряпать взялся. Вместе с женой. Собственно, Нифру и одна бы управилась, но она — фетсианка. Не приглянешь — мигом соус из каких-нибудь улиток приготовит. Вкусно, да разве свободный эгерини станет улиток есть? Смешно, право.

После ужина старшина позволил своим час передохнуть и расставил всех номера отрабатывать. Для того и лагерем пораньше стали. Цирковой упражняться каждый день должен. Это

гончар, к примеру, если напортачит, горшок выбросить может. А если у циркового рука дрогнет, пославшая нож, или колено на высоте ослабеет — беда.

Пришла тихая ночь. Такая тихая, что слышно, как воркует вода меж прибрежных камней. Ни треска цикад, ни воплей лягушек, от которых звенел воздух еще две недели назад. Тишина, одним словом. Лишь ухнет вдалеке филин или рыба плеснет. Костер погас. В нем и нужды нет: тепло. Детишки уснули. Из взрослых бодрствовали только Тарто, Нифру и младший сын старшины Кадол — ему выпало сторожить.

Тарто подсел к жене. Отблеск лунного света играл на ее косах, уложенных тяжелой короной. На груди Нифру — волшебный камень. Света от него немного, но довольно, чтобы разглядеть личико найденыша, спящего на коленях женщины. Старшина, заинтересовавшись, взял маленькую ручонку. Малыш не проснулся, только губами почмокал.

— Что? — чуть слышно спросила Нифру.

Вместо ответа Тарто приблизил ладошку Фаргала к светящемуся камню. Кожа на ручке чистая и гладкая, совсем не такая, как у бездомных бродяжек, а ногти аккуратно подстрижены. Тарто нахмурился, затем наклонился и так же внимательно изучил босую ножку.

— Он и дня не провел на дороге, — прошептал старшина.

— Понюхай его волосы, — предложила Нифру. — Они пахнут фарнасской смолкой.

— Это что?

— Благовоние. Очень дорогое. Откуда он взялся, Тарто?

— Может, боги послали его? Взамен сына Мили?

Нифру кивнула:

— Может быть. Ты правильно сделал, взяв его к нам.

— А то как же! Я все делаю правильно. — Тарто усмехнулся и погладил жену по спине.

Когда Нифру думала, взгляд ее останавливался, и миндалевидные, широко расставленные глаза казались незрячими. Страшновато. Зато в свои сорок с лишком лет она все еще оставалась красавицей с гладкой кожей и легкой походкой юной девушки. Женщины Фетиса долго остаются молодыми... Но потом в считанные годы из цветущих дев превращаются в старух.

— Давай спать, милая, — ласково проговорил Тарто.

- Я еще посижу.
- Дело твое.

Тарто улегся на шерстяное одеяло, накрылся плащом, чтоб не очень донимали комары, и уснул. Он надеялся, что боги пошлют ему вещий сон о найденыше, но надеялся зря. Снилось ему пивнушка на окраине Вертална и какие-то моряки, которых он обыграл в кости. Ничего божественного.

Глава 2

Фаргал сидел на заднем краю фургона и, болтая ногами, смотрел, как выбегает из-под днища желтая дорога и дымные струйки пыли поднимаются от грохочущих колес. На голове мальчика красовалась широкополая соломенная шляпа с красной каймой и кожаным узким ремешком. Шляпу эту сегодня утром смастерил ему дедушка Тарто, а холщовые, крашенные в синий ягодным соком штаны когда-то принадлежали Бубенцу, семилетнему внуку Тарто. Вот он, Бубенец, сидит рядом и, высунув от напряжения язык, прилаживает воронье перо к хвостовику стрелы.

- Бубенец, а Бубенец! — позвал Фаргал.
- Чего тебе?
- Стрельнуть дашь?
- Да, не мешай!

Веснушчатый нос Бубенца вспотел от старания.

Фаргал некоторое время молча смотрел на дорогу. Недолго.

- Бубенец! А какой он был?
- Кто?

— Брат твой, который умер. Правда, что он на меня похож?

Бубенец затянул последнюю петлю, глянул на Фаргала.

— Нет, — сказал он, подумав. — Разве вот такой же белобрысый.

Отложив стрелу, Бубенец взял лук и с удовольствием его осмотрел. Лук был настоящий. Только маленький. Фаргал поглядел на свои синие штаны и подумал, что, если повезет, лук тоже достанется ему. Если дедушка Тарто не выкинет его обратно на дорогу, как посулил вчера Мимощка, старший брат Бубенца, когда Фаргал ленился делать упражнения. Он очень вредный,

Мимошка, хотя в труппе никто, кроме него, не может крутить двойное сальто. Даже дядя Кадол.

Вообще-то, если бы не упражнения, Фаргал мог бы считать себя совершенно счастливым. Прошлого он не помнил и ни о чем не печалился.

Справа от дороги потянулась оливковая роща. Спустя четверть мили Тарто увидел человека с большой корзиной. Сборщика.

— Да будет с тобой милость Ашшура! — поздоровался старшина, придержав лошадей.

Человек не торопясь поставил корзину, сдвинул на затылок шляпу:

— И тебе того же.

— Это ведь Приречье, я не ошибся?

— Приречье. А вы что же, цирк?

— Угадал! — Тарто засмеялся. — Приходи поглядеть!

— Приду, — с достоинством пообещал поселанин.

Фаргалу надоело сидеть на задке фургона, и он перебрался вперед, к Тарто.

Старшина не возражал, даже подвинулся немного, чтобы мальчик мог уместиться рядом.

Рощи и сады сменились полями. Жар поднимался вверх от раскаленной солнцем дороги. Тарто достал из-под скамьи флягу с родниковой водой, отхлебнул и передал Фаргалу.

Выносливые лошадки бежали ровно, потряхивая красными гривами.

Дорога потекла вниз, и вскоре впереди блеснула Лерь, большая река, впадающая в Карн. Фургоны подкатили к деревянному мосту и остановились.

Бородатый толстый стражник с серебряным значком десятника вразвалочку двинулся к цирковым. Копье и щит его остались в караулке — пришельцев он не опасался.

— Здорово, одноглазый! — сказал десятник, хлопнув старшину по колену. — Все бродяжничаешь?

— А ты все жиреешь, Пурш! — Тарто соскочил на землю и развязал кошель. — Сколько, две медяшки?

— Три. Владыка в прошлом месяце поднял мостовую пошлину.

— Угу. А мост вот-вот развалится!

— Типун тебе на язык! Представление давать будете?

— А как же!

— Это хорошо. А то тут от скуки сдохнешь.

— Так шел бы на границу. Слыхал я, Самери опять войну затевает?

— И опять по сусалам получит.

Тарто хмыкнул с сомнением.

— Получит, получит! — заверил стражник. — Только без меня. Мне и тут неплохо.

Ссыпав монеты в карман, десятник зашагал к караулке, а старшина взобрался на прежнее место и щелкнул языком. Лошади тронули, и фургон въехал на мост.

Остановились, как обычно, на рыночной площади. Никто не возражал: цирк, ясное дело. Десятки местных шалопаев собрались вокруг, глазели, как цирковые разгружают фургоны, обмениваясь ленивыми репликами.

— Эй, чернявый, ну-ка пособи! — бросил самому болтливому Большой.

Тот, польщенный, что этакий верзила попросил помощи, немедленно подставил костлявое плечо. Спустя совсем короткое время десятка два молодых приреченцев трудились не покладая рук, а Большой, бывший десятник, которому командовать — привычное дело, только покрикивал.

Когда разгрузились, сняли верха фургонов и сдвинули их так, что образовался приличных размеров помост. Его обнесли канатами, еще один канат натянули высоко над землей, между позорным столбом и виселицей, установили расписные щиты. Всё, можно обедать. Добровольным помощникам Тарто выделил по кружке эля и велел приходить к вечеру да родню с собой прихватить.

Оставив рабыню-карнагрийку стряпать, а Большого — присматривать за имуществом, староста с остальными отправился бродить по Приречью, кричать: цирк приехал! Фаргала тоже взяли, и он вопил звонче всех. С удовольствием.

Площадь опустела. Дремал Большой в шатре на мешках с тряпьем. Дремали лошади. Рабыня-карнагрийка у костра, разложенного прямо на мостовой, старательно помешивала похлебку в подвешенном на треноге котле. Веснушчатое лицо ее лоснилось от пота, края хитона были подоткнуты за пояс: солнце жарит, от костра жар. Запах похлебки растекался в неподвижном воздухе. Он-то, похоже, и привлек четверку местных лобо-

трясов. Молодые парни, откормленные, как годовалые бычки. Сыновья местных цеховых, подмастерьев, которым скучно стало спать в полуденное время, а может, прослышав о цирке, специально пришли поглядеть, что да как. Пришли и обнаружили полуголую девку да полный котел мясной похлебки.

— Здорово, красотка! — Один из парней, высокий, с хорошим кинжалом на поясе, шагнул к костру.

— Здравствуйте. — Карнагрийка угодливо улыбнулась.

Улыбке ее недоставало пары зубов, а лицу — красоты, но тело сочное, грудь большая, а ноги стройные и длинные.

— Угостишь, красотка? — Парень с кинжалом ухмыльнулся двусмысленно и совсем недвусмысленно шлепнул рабыню по ляжке.

Три его приятеля захихикали.

— Не надо! — Рабыня оттолкнула руку. Она больше не улыбалась.

Парень с кинжалом отобрал у нее ложку, зачерпнул из котла.

— Готово, — сказал он. — Пошли, красотка, прогуляемся.

— Не пойду, нельзя мне, — тихо сказала карнагрийка.

— Да ладно! — усмехнулся парень с кинжалом. — А то мы не знаем, что за бабы в бродячих цирках? Пойдем побалуемся, чай, не убудет! — и схватил ее за локоть.

Карнагрийка рванулась. Второй парень схватил ее за свободную руку и вывернул за спину. Женщина вскрикнула, но первый тут же зажал ей рот, а второй полез рабыне за пазуху.

— Эй! Повремени! — сказал тот, что с кинжалом. — Счас в конюшню ее оттащим...

Карнагрийка извивалась у них в руках, мычала, но вырваться не могла.

Похлебка в котле вздулась жирным пузырем, плеснула через край, в костер.

Двое оставшихся парней подскочили, схватили женщину за ноги, подняли. Похоже, они не первый раз проделывали подобное. Но на сей раз унести добычу не успели.

— Так, — раздался сзади хриловатый бас. — Ну-ка отпустили ее, живо!

Из шатра вылез Большой и, уперев руки в бока, разглядывал местных героев.

Парни отпустили женщину (карнагрийка немедленно отбежала подальше), но, сообразив, что Большой один, снова осмелели.

— Это что за бугай мычит? — осведомился один из них.

— Какой он бугай? — пренебрежительно сказал другой. — Вол безрогий!

Неудачно сострил: цирковой скорее напоминал матерого вепря — плечистый, рыжебородый, грудь что бочка. Но и эти четверо — тоже парни нехилые.

Когда местные двинулись на Большого, тот подумал о топоре, оставшемся в фургоне, но сразу решил — обойдется. Неужто бывший десятник Императорского войска не управится с четырьмя лоботрясами?

У «лоботрясов» было противоположное мнение.

Тот, что с кинжалом на поясе, поплевал на ладони, надвинулся почти вплотную — Большой не шелохнулся — и вдруг с силой ударил циркового в живот.

Бум! Как в мешок с мукой. Большой даже не крикнул. Положил мозолистую ладонь на физиономию парня и толкнул. Тот отлетел назад, с трудом устояв на ногах.

Трое его приятелей налетели разом... и разлетелись. Бывший десятник обидно засмеялся.

Парень с кинжалом не выдержал и схватился-таки за оружие. Но пырнуть циркового ему не удалось. Большой хлопнул по его руке — с двух сторон, хитрым приемом, — кинжал вылетел из разжавшихся пальцев и брякнулся на мостовую. Парень с удивлением посмотрел на собственную руку.

— Так-то, сынок, — пробасил Большой. — Забирай свою железку и уматывай. А вечером приходи, посмотришь, как с оружием надо управляться.

Парень послушно подобрал кинжал и потащился восвояси. Приятели — следом. Если не считать синяков и потери достоинства, ущерб они не потерпели. Тарто накрепко вложил в голову Большого: местных не калечить. А то поначалу бывало — вместо представления приходилось свертываться по-быстрому и уносить ноги.

Из котелка опять плеснуло в огонь. Костер зашипел.

— Помешивай, дура! — гаркнул бывший десятник на рабыню. — Пригорит — высеку.

И удалился обратно в фургон.

К положенному часу народу собралось всего с полсотни. Но Тарто не огорчился. Пора страдная. Закончат работу — подойдут еще. А чтобы пришедшие не скучали, выпустил на помост рабыню-карнагрийку — пожонглировать цветными шарами.

Фаргал был буквально заморожен. Красные, желтые, синие, белые шары, казалось, сами собой взмывали в воздух. Он готов был смотреть до бесконечности. Но Тарто, увидев, что появился сам приреченский староста, согнал рабыню с помоста и дал знак младшему сыну, Кадолу. Большой подсадил юношу на канат, и Кадол раз десять прошелся туда-обратно, приплясывая и насвистывая. Второй сын Тарто себе на уме. Он не собирался особо выкладываться перед какими-то поселянами. Вот когда они придут в Буэгри, тогда другое дело. И все же Кадолу хлопали. Особенно женщины. Красивый малый.

За Кадолом настал черед Большого. Вот уж кого красивым не назовешь. Огромный детина с рыжей всклокоченной бородой. Маленькие быстрые глазки на широкой физиономии, голова по-бычьему наклонена вперед. Такому топоры в самый раз. Да все равно в его лапах здоровенные секиры казались игрушечными. Большой подбрасывал их высоко вверх, ловил, вертел в руках с такой быстротой, что отполированные лезвия превращались в размытые круги. Наконец вогнал оба в столб, врытый за тридцать шагов. Тарто предложил желающим выдернуть воткнувшиеся топоры, и, как всегда, желающих хватило. Но один так и не смог извлечь, пока Большой не сделал это сам. Хлопали бывшему солдату громко. Уж что такое топор и как им можно, зазевавшись, палец оттяпать — любой знает.

Большого так давно звали Большим, что он и имя собственное забыл. Был он из солдат-ветеранов, но, как часто случается, денег много не нажил, а те, что нажил, не сохранил. Тарто встретил бывшего солдата на рынке в Сайгаморе, пять лет назад. Большой брался на спор уложить любого желающего. Но, увы, желающих не находилось: сайгаморцы — народ осторожный. Поглядел на него Тарто, прикинул и решил: а не худо бы взять мужика в труппу. А чтоб не сбежал с первых денег — женить. На Мили. И женил.

«Медведь мед найдет, а найдет — не уйдет!» — говорил старшина.

Так и вышло.

С Мили-то у Большого номер покрасивее, не просто топорами вертеть. Но Мили все еще витала в грезах, напоенная отваром, изготовленным из колдовских трав.

Людей на площади все прибавлялось. Солнце зашло, и почти сразу же стемнело. Тарто велел сыновьям зажечь факелы, выждал нужное время, чтобы подогреть интерес зрителей, затем сделал знак жене: иди!

Фетсианка легко вспрыгнула на помост. Выдернула заколки — и корона на ее голове рассыпалась. Густые черные волосы плащом упали вниз. Еще одно движение — и туника Нифру оказалась на помосте. Толпа ахнула. Кожа фетсианки была как живая картина. Виноградные лозы обвивались вокруг стройных ног, взбегали к паху, тянулись вверх по животу, отягченные фиолетовыми гроздьями. А выше, из зеленой узорной листвы поднимались человеческие руки, чьи пальцы как будто охватывали груди Нифру, превращенные художником в наполненные вином чаши.

Женщина качнула бедрами — и лозы пришли в движение, листва затрепетала, а янтарные чаши сдвинулись, словно на дружеском пиру. Тарто сделал знак Большому и Налусу, чтобы заняли места рядом с помостом. А сам зажал между коленями барабан. Нервный прерывистый бой сам собой учащал дыхание.

Нифру двигалась мелкими шажками. Ступни ее выбивали свой собственный ритм, длинные, до щиколоток, волосы водорослями облепили тело, раскинутые в стороны руки словно окаменели.

Барабанный бой все убыстрялся. Словно отвечая ему, поднялся ветер, пламя факелов запрыгало, и четыре тени, отбрасываемые танцовщицей, переплелись в невероятном узоре.

Гул поднялся над окружавшей помост толпой. Словно сотня сердец вдруг забились сильнее в одной груди. Барабанный ритм раскачивал толпу, заставлял ее взбухать, подниматься, как поднимается тесто, разминаемое сильными пальцами.

Нифру раненой птицей металась над помостом, и черные волосы ее казались красными в багровом свете факелов.

— Ах-ха, ах-ха, — пульсировало над площадью. Сотни ртов одновременно вдыхали и выдыхали ставший влажным и соленым воздух.

Небо разом почернело и осыпалось звездами. Кто их заметил? Никто. Женщина-птица высоко взмывала над крохотным дере-

вянным помостом, рвалась вверх и падала беззвучно, и мощное «м-бан-нг» большого барабана радовалось ее падению.

Толпа прихлынула ближе. Если бы взгляды людей обрели плоть, их сила вознесла бы танцовщицу прямо в зияющее небо. Кожа Нифру горела от жара сотен жадных глаз.

Нифру двигалась так быстро, что казалось, вместе с ней кружатся и взлетают рожденные ее танцем аморфные прозрачные двойники. От них на маленьком помосте стало тесно, и гибкое тело Нифру безжалостно разбивало, разбрызгивало бесплотные силуэты.

Вдруг пронзительный крик потряс ночь. Нифру упала на колени, спиной к толпе, уронила голову вниз, и черные крылья волос раскинулись по помосту, а на узкой согнутой спине фетсианки возник падающий вниз сокол, а под ним — изумрудная, блестящая от влаги змея в золотой короне...

В последний раз грохнул барабан, Нифру упала грудью на доски настила — и тотчас Большой и Налус вспрыгнули на помост, заслонив распростершуюся на нем женщину. Большой взмахнул топорами, и наиболее ретивые из зрителей отпрянули назад. Налус подхватил мать на руки и унес во тьму за помостом. Большой медленно отступал назад, подбрасывая и вращая страшные топоры. Их лезвия казались окровавленными в красном свете факелов.

Настала очередь Тарто.

— Вот и все, добрые друзья и почтенные господа! — воскликнул он, становясь перед Большим. Отблескивающие огнем топоры летали прямо над его головой. — Хотите ли вы, чтобы мы не забыли к вам дорогу?

— Да! Да! Да! — закричали десятки голосов.

— Тогда одарите нас, чтобы нам не голодно было в пути!

Тарто сделал знак — и Кадол с Мимошкой двинулись сквозь толпу с корзинками для сборов.

— Будьте щедрыми, друзья-приреченцы! — закричал Тарто.

Он снова подхватил барабан и выбил частую легкую дробь.

Представление кончилось, но зрители не спешили разойтись. Мимошка и Кадол двигались между ними, и корзинки быстро тяжелели от меди и серебра.

Большой вертел топоры, рядом с ним рабыня-карнагрийка жонглировала цветными шарами. Умело, но без всякого пыла. На ее месте должна была быть Миля.

Нифру лежала в шатре. Налус, старший ее сын, втирал в ее кожу смягчающую мазь. Рядом пристроился Фаргал с маковым пирожком в руке.

— Ну что, маленький принц, тебе понравилось? — сказала Нифру.

— Угу.

— А кто больше всех?

— Когда шары, — ответил Фаргал.

Налус фыркнул.

— А я тебе понравилась? — спросила Нифру.

— Угу. — Фаргал проглотил последний кусочек пирожка. — Только ты так быстро вертелась, что у меня все вот так! — Мальчик помотал головой. — Ты в следующий раз не крутись так быстро, ладно?

Нифру засмеялась.

— Ладно, — пообещала она. — Специально для тебя — не буду.

— А что это за птица? — Фаргал потрогал пальчиком выга-туированного сокола.

— Это сокол, малыш. Он хочет схватить царя змей, но даже я не знаю, что из этого выйдет.

— А они не смоются водой? — спросил мальчик озабоченно.

— Нет.

— А ты можешь...

— Парень, — вмешался Налус, — или сиди тихо — или марш на улицу!

Фаргал замолчал. Хотя у него оставалось еще не меньше сотни вопросов.

Глава 3

Из Приречья цирковые уехали на следующее утро. Первые несколько миль странники вдыхали нежный аромат цветущих садов, потом потянулись полосы пашни, разделенные межевыми знаками. А ближе к полудню дорога опять нырнула в лес, и буйная растительность низового Эгерина стерла всякий след присутствия человека. Кроме самой дороги.

Навстречу цирковым выехала из-за поворота легкая карета, окруженная дюжиной вооруженных всадников. Тарто свернул к обочине. Карета протарахтела мимо. Последний из всадников подмигнул старшине и коснулся пальцами выгнутого края шлема.

Фаргал проводил кавалькаду восторженными глазами. Воины!

Часа в три пополудни Тарто решил сделать привал. Выбрав местечко, где деревья росли пореже, он свернул с дороги и въехал в лес. Фургоны затрясло на ухабах, молодая поросль скребла по днищам, но лошадки старательно тянули вперед, и фургоны, как тяжелые сухопутные корабли, медленно вплыли в лесную тень.

Шагов через сто пятьдесят впереди обнаружилась полянка, а за ней сплошной частокол стволов, прорезанный лишь парой звериных троп.

— Стой! — скомандовал старшина, натягивая вожжи.

Но лошадки уже и сами остановились, сообразив, что к чему.

После обеда Тарто объявил: каждый может заняться, чем желает. Заработали.

Бубенец немедленно достал свой лук.

— Я иду охотиться! — гордо заявил он, и все расхохотались.

Один Фаргал отнесся к этому заявлению серьезно.

— Возьми меня, — с надеждой попросил он. — Пожалуйста!

— Пошли, — великодушно согласился Бубенец.

— От лагеря далеко не уходить! — строго предупредил Налус, взяв сына за вихор. — Ты понял меня?

— Ну ясно! — Бубенец всем своим видом демонстрировал послушание.

— За младшим присматривай, — сказала Нифру.

— Может, Кадол с ними погуляет? — предложила жена Налуса, тихая рыжеволосая женщина, выглядевшая лет на десять старше своей свекрови.

Красивое лицо Кадола выразило все, что он думает по поводу этого предложения.

— Ладно уж, — решил Тарто. — Пусть идут. Семь лет парню, сколько можно его пасти?

Шли звериной тропой. Бубенец, хищно поглядывая по сторонам, — впереди. Фаргал семенил следом, вертя во все стороны головой и пытаясь уследить за каждой вспорхнувшей бабочкой. Бубенец, чувствуя себя грозным охотником, то и дело скидывал

лук, но мелкие птахи были слишком проворны. Впрочем, внук Тарто не терял надежды. И Фаргал тоже. Он замирал всякий раз, когда Бубенец прицеливался. Приятель подобьет свою первую дичь и даст стрельнуть Фаргалу. Такой уговор.

Бубенец резко остановился, и малыш ткнулся ему в спину.

— Ч-шш! — сердито зашипел юный охотник. — Спугнешь!

— Кого? — сдерживая дыхание, спросил Фаргал.

— Там, — Бубенец повернул голову мальчика в нужном направлении, и Фаргал увидел в просвете между кустами ежевики, шагах в тридцати, пятнистый звериный бок.

— Олень! — с восторгом прошептал мальчик. — Стой, не двигайся. Сейчас я его...

И вскинул лук.

Фаргал услышал звонкий щелчок тетивы, увидел стрелу, нырнувшую в просвет...

Оглушительный визгливый рев потряс заросли... «Олень» прыгнул, с хрустом ломая ветки, — не прочь от стрелка, а прямо на него.

Бубенец закричал. Фаргал тоже закричал, хотя еще не понял, что произошло. А когда понял, вылетевший из рук стрелка лук уже лежал у ног Фаргала, а свирепый лесной кот, огромный, локтя в три длиной, стоял над Бубенцом, придавив его лапой к земле. Рубаха на груди мальчика была разорвана и покраснела от крови.

Кот рыкнул, и Фаргала пробрала дрожь. Он попытался. Кот заурчал, шерсть на его загривке еще больше вздыбилась.

Голова Бубенца была откинута назад, горло — в полулукте от клыков кота...

Фаргал замер. Он понял, что сейчас произойдет... И страх пропал. Пришла ярость.

— Не смей! — закричал он. — Не смей!

Кот оторвал взгляд от своей добычи. Глаза у него сузились и вспыхнули, как драгоценные камни. Но Фаргал не испугался. Схватив лежащий на тропе лук, он замахнулся...

Украшенные кисточками уши кота прилегли к затылку, спина напряглась. Восемь шагов между ним и крошечным человеком — только один прыжок. Еда, которая не убежит. Вязкая нитка слюны сползла вниз и повисла на нижней квадратной челюсти...

И вдруг вся шерсть хищника встала дыбом. Лапы выпрямились, и кот неуклюжим скачком подался назад, издав уже не рык, а сдавленный мяв. Он смотрел поверх головы Фаргала, но мальчик решил, что зверь испугался его, и решительно шагнул вперед.

Кот забыл о своей беспомощной добыче. Забыл о втором человечке. Хищник напрочь позабыл о голоде. Не отрываясь, кот глядел на зеленую плоскую голову с горящими глазами, и сильный мяв вибрировал в его глотке...

Широкая змеиная пасть распахнулась, и оттуда вырвался свист. Человеческие уши его не могли услышать, но кота он хлестнул, как кнут. Подпрыгнув, хищник развернулся в воздухе, вцепился когтями в ветку, перемахнул на соседнее дерево и с воем умчался прочь.

— Ага-а! — в восторге завопил Фаргал.

Плоская голова опустилась ниже, почти коснувшись его макушки. Черный раздвоенный язык плясал между кинжалоподобными зубами.

Так продолжалось мгновение, а потом страшная пасть над головой мальчика беззвучно сомкнулась, и существо, повергшее лесного кота в такой ужас, стремительно и бесшумно кануло в чашу.

— Где? Что?

Большой с топором в руке проломился сквозь кустарник и застыл, увидев лежащего на земле Бубенца.

— Эй, подвинься, бегемот! — Налус протиснулся мимо бывшего солдата, перегородившего тропу, и бросился к сыну. Большой озирался, тиская в руке топориче. Но драться было не с кем.

Бубенец застонал и открыл глаза.

— Что случилось, сынок? — бережно придерживая ладонью голову мальчика, спросил Налус.

— Я стрелял в оленя, па, — пробормотал Бубенец. — Я попал, а он на меня прыгнул.

Появился Тарто. Он тяжело дышал: возраст не позволял ему соревноваться в беге с молодыми.

Убедившись, что явной опасности нет, он, первым из взрослых, обратил внимание на Фаргала.

Мальш стоял в стороне, все еще сжимая лук.

Тарто обнял его и почувствовал, что мальчика трясет.

— Ну все, все, не бойся! — ласково проговорил старшина. — Мы уже здесь.

— А я и не боюсь, — дрожащим голосом ответил Фаргал. — Это я прогнал его.

— Оленя? — спросил Налус.

Фаргал замотал головой.

Большой, наклонившись, высматривал в траве следы.

— Кто это был? — спросил Тарто, крепче прижимая к себе мальчика.

— Такой пятнистый, с зубами! — возбужденно проговорил Фаргал. — И шерсть у него такая! — мальчик растопырил пальцы.

Налус хмыкнул.

— Он повалил Бубенца, — Фаргал перестал дрожать, — и хотел его укусить! А я так замахнулся... — мальчик тряхнул луком, — как закрычу на него, и он убежал!

— Ха! — воскликнул Большой выпрямившись. — Лесной кот! Глянь, какая лапища!

Тарто отпустил Фаргала и подошел к внуку. Убрал окровавленные лохмотья рубашки, он оглядел глубокие борозды, исполосовавшие грудь мальчика.

— Да, — сказал он. — Налус, дай-ка рубаху, надо забинтовать. Это точно лесной кот.

Трое мужчин разом посмотрели на Фаргала.

— Ну-ка покажи нам еще раз, что ты сделал, — попросил старшина.

— А вот, — охотно откликнулся малыш, — вот я поднял лук, он тут лежал, вот так замахнулся: «Пошел вон! Не смей его трогать!»

Глазенки у Фаргала разгорелись.

— А он вот так сделал шерстью, — малыш растопырил пальцы, — зашипел, подпрыгнул и убежал. Вон туда.

— Чудеса, — сказал Налус, стаскивая рубашку.

Тарто взял у Налуса рубаху, разорвал и крест-накрест обмотал грудь внука.

— Ну ладно, пошли! — распорядился он. — Бери парня, Налус! Большой сунул за пояс топор, подошел к Фаргалу и протянул ему руку:

— Ты — храбрец! Давай пять!

Ручонка Фаргала была раз в десять меньше ладони Большого.

— А ты покатаешь меня на шее? — спросил малыш, полагая, что расположением Большого надо воспользоваться не откладывая.

— А как же!

Бывший солдат одним движением забросил Фаргала на плечи. Мальчик вцепился ему в шевелюру и засмеялся.

Так они и появились в лагере. Первым — Налус с раненым сыном на руках, вторым Большой с Фаргалом на загривке. Последним Тарто, погруженный в размышления.

Раны Бубенца оказались довольно серьезными, но мази Нифру помогли, через несколько дней раны затянулись. Правда, шрамы на груди у Бубенца остались на всю жизнь.

А лук он подарил Фаргалу. Только стрелы пришлось сделать новые — старые потерялись в лесу.

Глава 4

Когда позже Фаргал вспоминал о своем раннем детстве, то первое, что всплывало в памяти, — бесконечные дороги, выкрашенные в красный цвет лошадиные гривы и негромкий голос Тарто, рассказывающий одну из бесчисленных своих историй. Или лесной лагерь, костер, вкусный запах и «так-так-так» маленького барабана, отмеряющего ритм гимнастам. А вот тренировки почему-то запомнились хуже, хотя упражнениями цирковые себя изнуляли непрестанно. Никто не увивалил, даже ленивый Бубенец. Это называлось работа. Но Фаргалу все было легко, все — в удовольствии.

«Прирожденный цирковой», — с удовлетворением говорил Тарто.

А еще были большие красивые города и маленькие поселки, где все жители без исключения выходили поглядеть на заезжий цирк. Очень хорошо помнил Фаргал, как первый раз вышел на подмостки. И как ему хлопали. Это была радость. Да, были в жизни цирковых большие и маленькие радости, и горе тоже было. И смерть. Но больше всего было именно дорог. Дорога и лес вокруг, день, два, двадцать дней... пока не возникала впереди застава и важный стражник не вставал перед лошадьми: плати!

День-два — город. И снова лес, лес и дорога. И тренировки. Мягкая трава приятней ладоням, чем сухая хвоя. Но там, где

лес гуще и пестрей, куда больше надоедливых насекомых. Зато ближе к горам их почти нет. Но там холодно.

За десять лет Фаргал пересек Эгерин не меньше пятнадцати раз. На некоторых трактах он знал каждый поворот и каждый придорожный камень. Даже спустя тридцать лет он мог бы запросто провести армию от берега Карна в любое место империи Эгерин. Но не сделал этого. Почему? Об этом знают боги. И сам Фаргал.

Пятилетний Фаргал, стоя на мелководье, пытался ловить руками рыб, идущих вверх по течению на нерест. Мальчику хватало быстроты, чтобы схватить рыбу. Но каждый раз серебристое тяжелое тело выворачивалось у него из рук и с плеском падало в воду.

Шагах в сорока от Фаргала, ниже по течению, трудилась Мили. Рядом с ней на камне высилась целая гора выстиранного белья. Правда, половина работы была чуть раньше сделана Нифру, которая сейчас нежилась в солнечных лучах, сверкающих на вытатуированных виноградных листьях так, словно они были настоящими.

— Ма, — сказала Мили, выпрямляясь и растирая затекшую поясницу, — когда будем в Верталне, давай сделаем мне татуировку. Я уже придумала какую.

Нифру легко перевернулась на живот и поглядела на дочь. Мили и Налус пошли не в нее, а в отца. Никто не верил, что это ее дети. Может, оттого, что сама Нифру выглядела ровесницей дочери.

— Забудь, — сказала фетсианка.

Темно-коричневая хищная птица шевельнулась у нее на спине. Атакующий сокол: полусложенные крылья, вытянутые растопыренные хищно лапы. А под ним — изумрудный змей в золотой короне, широко открывший пасть. Хвост змея прятался между ягодицами Нифру.

— Почему «забудь», мама?

По лицу Мили видно было: сейчас обидится.

— Потому что это больно.

— Я уже слышала! Не беспокойся, я вытерплю!

— Еще нужен настоящий мастер... Нет, дай мне договорить — и услышишь то, что раньше не слышала.

Нифру с удовольствием наблюдала, как меняется выражение лица дочери.

— И еще, — торжественно проговорила она, — мастер должен любить тебя. По-настоящему. Иначе ты просто испортишь кожу, — заключила фетсианка и снова перевернулась на спину.

Мили соскочила с камня, подбежала к матери и присела рядом, обхватив мокрыми руками колени:

— Послушай, а расскажи, как это?

— Что? — лениво спросила Нифру.

— Как он любил тебя!

Ее мать прищурила глаза, посмотрела на взрослую дочь сквозь густые загнутые ресницы.

«Какая ты глупышка», — подумала она и быстро пробежалась смуглыми пальцами по голому боку Мили.

Та хихикнула и слегка отодвинулась.

— В другой раз, девочка, — произнесла Нифру. — Фаргал! — крикнула она, приподнимаясь. — Так у тебя ничего не выйдет. Постарайся схватить под жабры.

— Ловкий мальчуган. — Нифру улеглась щекой на согнутую руку и закрыла глаза.

— Угу. — Мили встала и побрела к недостиранному белью. — Только ничего он не поймает.

Конечно, мать научила ее многому. Танцевать, например, или обращаться с мужчинами. Но волшебству учить отказалась наотрез. И вот с татуировкой то же самое. И никогда не поймешь, то ли она говорит серьезно, то ли смеется над ней. Великая Таймат! Да она приبلудному мальчишке уделяет больше времени, чем родной дочери!

Мили с такой яростью скребла мыльным камнем грязные штаны, что протерла бы дырку, не будь ткань такой прочной.

— Поймал!

Мили вздрогнула от пронзительного вопля.

Фаргал стоял по пояс в воде, держа в вытянутых руках бьющуюся рыбу.

— Поймал!

Но у рыбы было другое мнение. Мокрый хвост хлестнул мальчика по лицу, Фаргал потерял равновесие, а когда вынырнул, отфыркиваясь, его добыча благополучно уплыла.

Мили невольно улыбнулась. Нет, все-таки забавный мальчишка!

* * *

Два жреца Мудрого бога Аша вели фетскую игру, называемую «Путь Императора». В самом Фетисе игра была запретной для всех, кроме членов императорской семьи, ближайших родственников и государственных чиновников рангом не ниже наместника.

Один из жрецов, высокий, длинноволосый, с темно-серыми холодными, как вершины Ашшурова хребта, глазами, вынул меч из руки маленького серебряного человечка и, вложив в эту руку лопату, превратил воина в мастера, а одного из всадников передвинул на две клетки влево, закрывая брешь. Игрок строил крепость. Когда он закончит, то сможет вывести вперед две трети солдат из охраняемой области.

Его противник задумался. Он был на три позиции дальше от императорского дворца, но граница его владений слева уже выгнулась под давлением государственных войск. Демон, игравший за Старого Правителя, двинул сюда двух слонов и целых четыре колесницы. Может быть, он счел второго игрока более слабым и решил в первую очередь расправиться именно с ним? Нет, скорее демон просто подыгрывал первому игроку как более сильному магу.

Второй игрок стал поспешно перестраивать оборонительную линию, а для этого ему пришлось превратить шестерых рабочих и один недостроенный малый форт в трех всадников и подвести их к месту прорыва. Это было невыгодно, но уж очень не хотелось терять целую область с тремя селениями и уже готовой сетью оросительных каналов.

Второй игрок сцепил зеленовато светящиеся пальцы и посмотрел на первого.

Тот улыбнулся и двинул шестерых всадников и колесницу, уничтожив трех солдат-пограничников Старого Правителя. Тотчас по вымощенной крохотными золотыми чешуйками дороге заскользил всадник-гонец, а на сторожевых вышках вспыхнули огоньки костров. Весть Старому Правителю: «Война».

Следующий ход принадлежал демону, и, конечно, он отвел назад слонов и колесницы, а из крепости на противоположной стороне выполз отряд тяжелой пехоты и направился к нарушенной границе.

Второй игрок мог снова превратить всадников в рабочих, что он и сделал. Но на три четверти построенный форт был потерян безвозвратно.

А первый игрок переместил своих всадников внутрь Государства и, опустошив пограничную область, отступил к собственной крепости. Естественно, его колесница и всадники, даже с добычей, двигались быстрее тяжелой пехоты. Да, демон определенно подыгрывал первому жрецу.

Теперь право хода перешло ко второму игроку, но тот не спешил. Зеленоватые огоньки бегали по его коже, разделенной на очерченные темным шестиугольниками. В настоящий момент руки второго жреца в точности копировали форму кистей первого. Но он мог бы превратить их в тигриные лапы или в клешни краба. Второй жрец был оборотнем.

Первый же — человеком. Вернее, магом в облике человека, поскольку тот, кто стал магом без малого четыре века назад, уже не может считаться человеческим существом. Хотя и способен делать все, что делает человек. В частности, зачать ребенка.

— Я видел твоего сына, — сказал оборотень. — У него великое будущее... Если он доживет до него.

Первый жрец оторвал глаза от игрового поля.

— Звезды поддерживают его, — отозвался он. — Я тоже буду охранять его, пока он не научится защищать себя сам. Я выбрал ему хороших наставников. Настолько хороших, что, когда придет время, он с легкостью покинет их.

— Циркачи... — неопределенно произнес оборотень и сделал осторожный ход. Его противник даже не взглянул на переместившиеся фигурки.

— Циркачи, среди которых фетская колдунья, — не совсем обычные циркачи! — возразил маг.

— Колдунья... — Оборотень издал звук, на который неспособно человеческое горло. В одном мизинце сидящего против него вдсятеро больше волшебной силы, чем у этой женщины. — А что бы ты сделал, если б они оставили твоего сына на дороге?

— Невозможно, — уверенно сказал маг.

Он не стал ничего объяснять, но его собеседнику это и не требовалось. В том, как маг-жрец произнес слово «невозможно», уже содержались все объяснения.

— Когда он займет подобающее ему место, — сказал первый, — я приду к нему, и он будет служить мне... Мудрому Ашу! — поправился маг. — И очень скоро воцарится над всеми империями! Так определено звездами.

«Звездами определена лишь *возможность* будущего величия», — подумал оборотень, но вслух сказал только:

— Если выживет.

— Если нет, значит, мы восторжествуем немного позже, — спокойно ответил маг.

— Хочешь, я сам поберегу его? — предложил жрец-оборотень, заинтересовавшись. Его собеседник никогда раньше не говорил о своих великих планах.

Маг покачал головой:

— Нет.

И сделал собственный ход, опрокинувший весь замысел соперника. Попытка оборотня отвлечь жреца-мага пропала впустую. Наоборот, это маг отвлек соперника, и тот, задумавшись, пропустил три интересные позиции и спохватился только тогда, когда армия первого за один ход сокрушила пограничную крепость Государства и вышла на золотую дорогу. Еще через три хода Старый Правитель сдал столицу в обмен на пост государственного казначея. Демон выглянул из ворот императорского дворца и хихикнул. Оборотень оскалился: он не любил проигрывать.

Глава 5

Когда Фаргалу исполнилось шесть (по решению Тарто мальчика считали ровесником умершего сына Мили), труппа странствовала на северо-западе Эгерина. И держала путь в сторону самерийской границы, проходившей по реке Сарсог. Места эти дикие, городов нет совсем, а селения крайне редки, в основном небольшие хутора, дома охотников да землянки беглых в лесной чаще. Северное приграничье всегда считалось опасным краем, хотя линия крепостей вдоль Сарсога и дороги, связывавшие крепости между собой и с центром страны, поддерживались в порядке. Дороги и крепости строили еще в прошлом тысячелетии — после того как переправившаяся через реку на бычьих шкурах армия Самери разграбила половину Эгерина и подо-

шла к стенам его столицы Вертална. Впрочем, у Вертална набег и закончился. Вторгшееся войско было окружено и полностью разгромлено, Император-предводитель убит. Дикие самерийцы, страшные внезапным набегом, не выстояли против регулярной, хорошо обученной армии и боевых машин южного соседа. Но ответного удара не последовало. Тогдашний Владыка Эгерина не рискнул уводить войско из страны, опасаясь, как бы Карнагрийский Лев не прыгнул на спину Эгеринскому Дракону.

Восемнадцать крепостей, две дюжины небольших форпостов и дороги, по которым можно быстро перебрасывать войско с места на место. Большая часть крепостей возведена руками тысяч захваченных в плен самерийцев. Возведена в прямом смысле на их костях. С тех пор любая попытка серьезного вторжения пресекалась быстро и беспощадно, но все равно мелкие отряды самерийцев шарили в эгеринских лесах. Правда, во времена сильных Императоров это случалось реже.

Лет триста назад очередной Владыка Эгерина решил освоить север страны и насильственно переселил туда более ста тысяч подданных. Половина переселенцев перемерла, вторая половина рассыпалась по лесному краю, забившись в самые дремучие углы. А Императора вскоре отравили. Обычное дело.

В общем, от севера эгеринской казне одни убытки. А вот Тарто уже дважды неплохо заработал в здешнем приграничье. Он надеялся, что и по третьему разу выйдет не хуже. Восемнадцать крепостей обороняли несколько тысяч солдат, исправно получавших жалованье. А куда его тратить, если еда, обмундирование и рабыни для мужских надобностей предоставляются Императором бесплатно? А развлечений никаких, разве что помучить пойманного лазутчика или самому схлопотать в брюхо длинную самерийскую стрелу. Серебро сыпалось в корзинки цирковых, как дождь на поля в Мокрый месяц. А от крепости до крепости трупы сопровождали благодарные зрители. Полсотни, а то и больше ветеранов. Не каждому Владыке впору такая охрана.

Но до первой из крепостей Тарто должен был добраться сам.

* * *

Острые скалы. Серо-голубые, как сталь меча. Темная трава, уже прибитая морозом, мертвая. И луна: круглое лицо бога с темными пятнами глаз.

— Готов ли ты? — Голос старейшины пришел сразу со всех сторон, как рык вышедшего на охоту снежного барса.

— Готов.

Человек чуть согнул ноги и привычным жестом заткнул за пояс конец косы. Если он останется жив, больше ему не придется этого делать. Бронзовая заколка воина скрепит косу на затылке ритуальным узлом. В знак того, что Бог всегда за спиной воина клана.

— Готов ли ты? — второй раз спросил старейшина, ибо полагалось спрашивать трижды.

— Готов.

Четыре застывшие фигуры. По четырем сторонам света. Лица их закрыты. Глаза их не видят, носы не чуют.

— Готов ли ты?

— Готов!

Четыре клинка одновременно вылетели из ножен. Четыре свистящих звука обнажаемой стали слились в один.

Человек прыгнул — два меча пропели под ним песню смерти — и тут же упал ничком — два других прошелестели над ним.

В центре большого четырехугольника малый. Там клинки Безликих Стражей не могут достать его. Но тот, кто хочет стать воином, не прячется от стали. Человек оттолкнулся от подмерзшей земли руками и ногами, как зверь, и прыгнул в сторону заката. Клинок Безликого Стража упал сверху и прошел так близко, что ресницы ощутили движение воздуха. Клинок Стража Полудня, выброшенный вперед, едва не пронзил человека насквозь, но он выгнулся кошкой, пропустил клинок перед собой и тут же отпрянул, чтобы обратное движение меча не вспорол живот. Еще прыжок — уход от удара снизу... и человек «поймал острие боя». Теперь он больше не думал о мечах Безликих. Он ни о чем не думал, только наблюдал отстраненно, как пляшет меж четырех клинков его отделившееся от сознания тело. Сколько этому длиться, человек не знал. Он ждал, когда вспыхнут в темноте, на западе, изумрудные глаза Бога... И они вспыхнули. Зеленый

огонь, родившийся в сухом звонком холодном воздухе, разделился и двумя ледяными жгутами соединил сердце и ум человека с ледяным жалом клинка за спиной. Человек закричал от счастья и, забросив руки за голову, жадно схватил длинную рукоять. Он услышал тонкий звон — лопнула серебряная цепь, скреплявшая эфес и ножны. Меч застонал, когда лунный свет облил его длинное тело. И воздух застонал, когда разящая сталь разорвала его. Человек завертелся на месте, как подстреленный барс. Он запел — и меч запел вместе с ним, сметая с пути хозяина клинка Безликих. Человек прыгнул вперед, толкнул коленом в живот Стража Восхода, и тот упал на спину.

— Аш-Хар-Хазд! — прогремел старейшина, и человек застыл.

Безликие, забросив мечи в ножны, стянули с голов шерстяные маски. Упавший — чуть позже остальных.

Человек, вернее, теперь уже воин, прижал холодную сталь к разгоряченной щеке. Он был счастлив. И узнал свою судьбу: через несколько дней он спустится с гор и пойдет на восток. И свершит то, что велит ему, устами старейшин, мудрый и всеведущий Бог гор. Так будет, потому что воин клана не знает поражений. Он может умереть, но проиграть битву не может.

* * *

Фаргалу казалось, они и не движутся. Тот же лес вокруг, тот же пустой ровный тракт. Иной раз обгонит всадник с белым флажком императорского гонца или попадет рабочий отряд из дюжины невольников и нескольких солдат, поправляющих дорогу. После полудня, найдя подходящее место, сворачивали в лес, устраивались, делали обычное: отработывали номера, чинили-чистили что требовалось. Большой с Кадолом и Мимошкой раз в два дня ходили за свежим мясом, чтоб зря припас не проедать. Нет, все, что происходило после привала, Фаргалу нравилось. А вот по шесть-семь часов сидеть в повозке ску-учно! Кабы Тарто отпустил его во второй фургон, где ехали Бубенец с Мимошкой, — другое дело. Но старшина держал мальчика при себе, вместе с Нифру, рабыней и Мили с ребенком.

Впереди показался деревянный мост через овраг. Внизу стучали топоры. Подъехав ближе, Тарто увидел, что на этот раз трудится не команда рабов под присмотром солдат, а одни солдаты.

Рыжебородый десятник, завидев фургоны, ловко вскарабкался по откосу:

— Здоров. Куда путь держим?

— К вам, — сказал Тарто. — Цирк.

— Вижу, что не купец, — ухмыльнулся десятник. И построже: — Давай поворачивай. Не ко времени вы.

— А что так? — насторожился старшина.

— Банда плоскорожих шурует. Вторую неделю ловим.

— Большая банда? — спросил Тарто.

— Ашшур знает. — Десятник пожал плечами. — Но теперь поменьше стала, ясное дело.

— Ну так вы, удалыцы, ее враз поймаете! — улыбнулся старшина.

— Вот как поймает, так и приезжай, — сказал десятник. — Напоретесь — перережут вас как годовалых поросят.

— Ну это ты загнул! — Большой, соскочив на землю, подошел к первому фургону.

Десятник окинул его опытным взглядом:

— Служивый, что ли?

— Был, — сказал Большой. — Теперь вольная птица.

— Я предупредил. — Десятник поскреб ногтями грудь. — А так дело ваше. Проводить не смогу, приказ. — Он кивнул на мост. — Велено к следующей неделе опоры поменять, а нас, сам видишь, всего шестеро.

— Да ладно тебе, — ухмыльнулся Большой. — Не первый год на дороге. До крепости вашей сколько?

— Неблизко. Миль тридцать.

— Ух ты! — обрадовался Фаргал. — Завтра будем?

— Ишь ты, белобрысый! — Десятник потянулся щелкнуть Фаргала по носу, но тот увернулся.

— Ты, брат, давай заканчивай поживей. — Большой хлопнул десятника по плечу. — На представление не поспеешь!

— Было б кому представлять, — проворчал десятник. — Ладно, храбрецы, езжайте. Авось доедете.

— И тебе того же, — сказал Большой и захохотал.

Лошади осторожно ступили на мост. Стук топоров внизу их беспокоил. Когда второй фургон поравнялся с Большим, тот ловко вспрыгнул на борт и уселся рядом с Налусом. Обитые железом колеса загрохотали по дощатому настилу.

— Счастливо! — крикнул вслед десятник, но его не услышали.

Как миновали мост, опять потянулась дорога. Фаргал, покосившись на старшину, полез на спину правой, неноровистой лошади. Перебравшись, встал, выпрямившись, на круп, вынул из кармана шарики и принялся жонглировать. Лошадь бежала ровно, не обращая на малыша внимания. Привыкла уже.

Тарто с удовольствием наблюдал за названным внуком. Способный, ничего не скажешь. Жаль растет как гриб в Мокрый месяц. Пока-то публика глядит с умилением — экий малыш, а вон что умеет! А вытянется — совсем другая история будет.

— Тарто, — окликнула сзади Нифру, — здесь неподалеку вода. Остановимся?

Старшина глянул на солнце.

— Да, можно бы, — сказал он.

Шагов через тридцать в лесной стене обнаружился просвет. Тропа.

Старшина потянул вожжи, лошади остановились. Фаргал едва не свалился под копыта, но устоял, даже ухитрился поймать все три шарика.

— Ап! — звонко крикнул он, соскакивая наземь.

— Налус! — позвал старшина. — Пойдем, сынок, глянем, как тут фургоны пройдут.

Фургоны прошли. Обнаружилось даже отличное место для ночлега: под огромным кедром, раскинувшимся кроной на добрых тридцать шагов. До ручья, правда, оказалось неблизко, но это уж пустяки.

Тарто беспокоила широкая тропа, отходящая от дороги. Он даже послал Кадола верхами проверить, куда она ведет. Юноша проскакал больше мили, ничего не обнаружил — и вернулся назад. Тропа и тропа. Может, хутор стоит, может, еще от чего осталась. Тарто выкинул беспокойство из головы. Запах жарящегося мяса плыл над поляной. Со вчерашнего дня осталась почти треть подстреленного Кадолом кабанчика. Сунулся, дурачок, сдуру на дорогу, прямо под выстрел. Жирное мясо, мучная болтушка с овощами и кореньями, мед — детишкам, а кто постарше — по кружке сладкого яблочного вина.

— Кто хорошо ест, тот хорошо работает, — изрек старшина и поймал за ногу дочку Мили, вознамерившуюся свалиться с борта фургона.

— Тогда самый лучший работник — хряк, — заметила Нифру, пробуя болтушку. — Готово. Собирай едоков.

После обеда час отдыха. И тренировка. Последнее не касалось только Мили: Нифру сказала, от нагрузок может молоко пропасть. Нельзя, так нельзя. И Тарто усадил дочь чинить рваные Фаргаловы штаны.

Стоять в лесу — это совсем не то что ехать по дороге. Дикий, старый, с высоченными соснами и широкими ветвистыми эгеринскими кедрами, лес зачаровывал Фаргала. Здесь можно было повстречать черного злого медведя и даже тигра. А уж оленей и кабанов столько, что сами в руки идут.

Выполнив под присмотром бдительного Мимошки дневной урок, мальчик был предоставлен самому себе. То есть мог делать что вздумается.

Была середина прохладного сезона, и под темными живыми сводами стояла тишина. Благодатное время, когда нет даже вездесущих moskitov. Фаргал глядел в сумрак между прямыми стволами, и ему хотелось уйти туда, подальше от людей, от резкого голоса Мили, выговаривающей за что-то Бубенцу, от хныканья малышки, которой мать не давала заползти в костер, от бормотания недовольного Бубенца... Там, в чаще, жил покой.

Похрустывая сухими веточками, сзади подошла лошадь, фыркнула в макушку.

Вроде бы Фаргал сделал всего несколько шагов, а костер цирковых остался почему-то далеко-далеко позади. Опавшая хвоя покалывала пятки. Фаргал подобрал кедровую шишку, наполовину вылуценную, раскусил несколько орехов. Просто так. Лиса, днем рыжая, как пламя, а сейчас серая, словно тень, замерла с поднятой лапой, заметив маленького человека. Но человек не видел ее.

Фаргал шел, трогая по дороге липкие стволы, словно здороваясь с ними. Он мог бы жить здесь. Вот ягодник... Фаргал не удержался, собрал и съел несколько кисло-сладких горстей.

«Я заблужусь, — подумал он, и сердце сладко замерло. — Я потеряюсь и никогда не увижу Тарто, Нифру... Найду себе дупло и буду в нем жить как белка».

Старый, старый лес, полный страха и опасностей. Не только от хищных зверей, вышедших на охоту...

Огромный пятнистый змей соскользнул с дерева и с невероятной для лишенного ног существа быстротой помчался по земле. Сухая хвоя шипела под его чешуйчатым брюхом. Рыжая лиса метнулась в сторону и забилась в мешанину корней вывороченного кедра. Сердечко ее часто-часто колотилось. Змей перемахнул через толстый ствол, как перехлестывает вода через плотину в дождливый месяц. В иное время он обогнул бы упавший кедр, но сейчас змей спешил...

Фаргал пошел быстрее... просто ему захотелось пойти быстрее. Он шел напрямик: напрямик интереснее, чем по звериным тропкам.

Заросли папоротника, серый мох на бугристых стволах, белые чистые шляпки грибов.

Над головой вдруг заухало, зашкряпало. Мальчик задрал голову, но ничего не смог разглядеть. Тогда он подобрал шишку и запустил наугад.

Захлопали крылья, между ветвями мелькнула тень и потерялась наверху.

Фаргал подобрал сухую палку, очистил от сучков и отломил тонкий конец.

«Привяжу нож — будет копьё», — подумал он, но возиться не стал, двинулся дальше, сшибая палкой зеленую поросль под ногами.

Никто не учил Фаргала, как следует вести себя в лесу, чтобы его не обидеть.

Змей полз, оставляя позади вдавленную полосу. По человеческим меркам он был очень стар, но по своим собственным — только вошел в возраст силы. Никто не осмелился бы преградить ему путь: ни тигр, ни храбрый до глупости серый медведь. Разве что человек, еще более глупый, прельстившийся изумрудным отливом чешуи. И человек был особенно приятной добычей.

— Бубенец, где Фаргал? — спросила Нифру.

Внук пожал плечами:

— Понятия не имею, только что был здесь. Мимошка, ты мелкого не видал?

Мимошка, не поднимая головы (он вырезал волчью морду на булаве для жонглирования), буркнул:

— Болтается где-то. Придет, куда денется.

У Нифру было другое мнение.

Вернувшись к фургону, фетсианка отыскивала заштопанные Мили штаны Фаргала. Ей нужна была какая-нибудь вещь мальчика, чтобы сработало заклинание поиска.

Проделав все, что требовалось, Нифру кликнула Кадола.

— Пойдешь со мной, — сказала она.

— Что случилось, жена? — спросил Тарто.

— Малыш куда-то запропал, надо поискать.

— Ага, ладно. — Старшина не сомневался, что Нифру способна отыскать Фаргала даже в полной темноте.

Двадцать восемь всадников в черных ночных плащах двигались на запад по лесной тропе. Все, что осталось от отряда в шестьдесят (число удачи) человек, переправившихся через Сарсог одиннадцать дней назад. Ехали молча, тихо: копыта лошадей обернуты шкурами — предосторожность, которая никогда не бывает лишней, если ты на чужой земле. Первым, как обычно, Малдуат. Горец из клана Долины Длинных Теней. Он же предводитель, хотя на пять лет моложе самого молодого из разведчиков. За пазухой Малдуата в кожаном, туго завязанном мешочке карта. Ради нее погибли четыре десятка и еще один. И только Ашшуру известно, скольким еще не суждено коснуться родного берега, потому что карта пока не закончена. Но не позже чем через неделю на тонком пергаменте будет вся линия обороны северного Эгерина. Малдуат доставит ее в Самери, даже если останется совсем один.

Упавшее дерево перегородило тропу. Конь горца фыркнул и попятился. Малдуат наклонился к его уху, пошептал ласково. Конь коротко заржал и перемахнул через препятствие. Лошадь, шедшая второй, даже не приостановилась, прыгнула с ходу, вслед за вожакom.

Смеркалось. Но молодой предводитель знал, что придется одолеть еще несколько миль, пусть даже в темноте. Он намеревался достичь тракта, проехать по нему приличный кусок и только тогда укрыться на противоположной стороне большой дороги. Так Малдуат собьет со следа возможную погоню, а если кто и попадется навстречу самерийцам, рассказать об этом он уже не сможет.

Малдуат чувствовал себя уверенно, хотя это было первое дело, порученное ему на императорской службе. Воин клана Долины

Длинных Теней выполнит его с блеском. Его и все, что потребуется. Старейшины похвалят Малдуата, когда он вернется домой.

Фаргал остановился у большого камня. Он вдруг почувствовал, что дальше идти не хочется. Почти совсем стемнело, и шагах в двадцати уже ничего не разглядеть. Теперь мальчик точно знал, что обратной дороги не найдет, но это его не пугало. Фаргал взобрался на камень, на плоскую верхушку его, поднимавшуюся локтей на пять над землей, улегся на сухой мягкий мох, с удовольствием вытянул ноги и стал слушать таинственные лесные звуки. Они его не пугали, наоборот, мальчику было ужасно интересно. Провести ночь одному, в лесу, — разве не здорово?

Он достал нож. Развязал ремешок, которым зашнуровывалась куртка, и крепко привязал нож к палке. Теперь у него есть оружие. Пусть только какой-нибудь хищник попробует на него напасть!

Нифру шла очень быстро, Кадол еле за ней поспевал. Фетсианка поняла, что малыш ушел далеко, и торопилась. Скоро наступит время, когда ночные хищники выйдут на охоту. Хорошо, если Фаргал догадается залезть на дерево... К сожалению, лесные коты, змеи и ушастая рысь, чьи следы она видела у ручья, лазают по деревьям ничуть не хуже мальчика.

Малдуат почувствовал запах дыма и остановил коня, тихим свистом предупредив своих. Что это? Пожар? Горец медленно втянул воздух и уловил слабый запах жареного мяса. Нет, не пожар. По прикидке Малдуата, до тракта оставалось чуть больше мили. Вполне возможно, что какой-нибудь путник устроился на ночлег. Или купеческий караван. Или воинский отряд, один из тех, что охотятся за самерийцами. Надо разведать.

Больше всего молодому горцу хотелось сделать это самому. Но именно поэтому Малдуат подозвал к себе одного из воинов и велел ему проверить, что там, впереди. Остальным Малдуат приказал сойти с тропы, спешиться и ждать.

Разведчик вернулся примерно через час. И прошел бы мимо, если бы горец его не окликнул.

— Не солдаты, — сообщил воин. — Две большие повозки, охраны никакой. Собак тоже нет. Мужчин трое или четверо. С ними две бабы! — Разведчик осклабился, белые зубы блеснули в темноте.

Малдуат презрительно скривил губы. Он мог обходиться без сна, пищи и женщин столько, сколько требовалось. Без женщин проще всего. Но эти равнинники так глупы и похотливы! Поэтому и убивать их так легко. Малдуат предпочел бы пару соплеменников всему своему отряду.

— По коням, — тихо скомандовал он.

Поглядим, каковы эти эгерини.

— Далеко еще? — спросил Кадол, не очень надеясь на ответ.

И не получил ответа.

Он шел следом за матерью, стискивая в руке топор и очень остро ощущая незащищенность собственной спины. Кадол не побоялся бы схватиться даже с лесным котом, но — днем и с луком в руках, чтобы свалить зверя раньше, чем тот окажется в опасной близости.

Нифру внезапно остановилась.

— Где-то здесь? — с надеждой спросил ее сын, безуспешно пытаясь разглядеть что-то в сгустившихся сумерках.

— Нет, — отрывисто бросила фетсианка.

Она почувствовала опасность. Но угрожающую не ей и не потерявшемуся Фаргалу, а тем, кто остался в лагере.

— Кадол, — резко произнесла она, — быстро иди обратно!

— А ты? — растерялся сын.

— Быстро, бегом!

— Но я не найду дороги! — справедливо возразил Кадол.

— Найдешь! — Нифру схватила его левую руку, мазнула пальцами по ладони — как огнем опалила, сняла с шеи тускло светящийся амулет: — Бери это. Если пойдешь не туда, камень станет холодным. Предупреди отца, что они в опасности.

— А ты? — снова спросил Кадол.

— Они, а не я. Иди! — и подтолкнула его в нужную сторону.

Кадол сорвался с места и через мгновение исчез в темноте.

Нифру тут же пожалела, что отдала сыну амулет. Она чувствовала, что он очень скоро будет ей необходим. Но сделано так сделано.

Оставшись в одиночестве, Нифру ощутила себя почти беспомощной. Дело не в том, что сын не мог теперь ее защитить. Просто, когда рядом находился кто-то из близких, Нифру могла выстроить связь между собой и родным человеком и черпать из нее силы, прятаться в ней, как путник, который поворачива-

ется спиной к холодному ветру. Старый лес был полон древней магии. Пока с Нифру оставался Кадол, магия эта не пыталась проникнуть в душу фетсианки. Потому что рядом с ней чужой. Теперь же осторожные щупальца потянулись к Нифру, как корни деревьев тянутся к воде. И фетсианка не могла даже прикинуться, что ее нельзя пить. Ей нужно отыскать Фаргала, а отыскать его можно только волшебством.

И Нифру сама взялась за нити магической паутины. Теперь на десятки миль вокруг все, кто умел видеть невидимое, узнали: она здесь. Зато и лес сразу открылся ей, и Нифру «увидела» Фаргала. Мальчик оказался совсем рядом. И в полном порядке. Он спал!

— Эгей, — негромко позвала Нифру. — Слезай, малыш, пойдем домой.

Фаргал проснулся и, несколько не удивившись появлению фетсианки, тут же соскользнул вниз, ей на руки. И немедленно задремал, опустив голову на плечо Нифру.

— Неужели ты думаешь, маленький беглец, что я тебя еще и понесу? — поинтересовалась женщина.

Фаргал неохотно спустился на землю.

— Ух ты, как темно, — заметил он. — Ты думаешь, мы найдем дорогу?

— Запросто, — уверила его Нифру.

Все ее беспокойство мгновенно рассеялось. С некоторым удивлением она поняла, что этот кроха *охраняет* ее от опасных чар куда лучше Кадола. Просто потому, что в нем самом не было страха. Совсем не было. Удивительно. Почему Нифру раньше не замечала этого?

Где-то близко пульсировали недобрые порождения волшебства. Могучего волшебства, не чета ее собственному. А Нифру не боялась. Она заразилась бесстрашием малыша, как будто одной отваги довольно, чтобы уберечься от беды. А может быть, это впрямь так?

Когда нужно, змей мог двигаться совершенно бесшумно. Он тек, как вода, и сливался с темнотой, словно сам — часть ее. Собственно, так оно и было. Мрак не мешал змею. Ночью он видел даже лучше, чем днем, а две человеческие фигурки, петляющие между деревьями в каких-нибудь двадцати шагах, даже и не пытались прятаться. Время от времени треугольная голова змея поднималась вверх и медленно поворачивалась. Змей не

терпел, когда на его охотничьей территории появлялись другие хищники. Серебристое днем, а сейчас совершенно черное тело вздымалось вверх на восемь локтей — вполне достаточно, чтобы любой ночной охотник убрался с дороги.

Чем ближе Нифру подходила к лагерю, тем сильнее беспокоилась. Определенно, ее близким готовилось что-то недоброе. Но что именно, она предположить не могла — с магией угроза не имела ничего общего.

Если бы она не отдала волшебный камень...

Глава 6

Малдуат стоял на краю поляны, шагах в сорока от костра. Он не опасался, что мужчина у огня его заметит. Ни один мало-мальски опытный воин не сядет лицом к костру, а этот уставился на пламя, словно это домашний очаг, а не костер в лесу. Даже если горе-часовой и оглянется, за те мгновения, пока глаза его привыкнут к темноте, Малдуат успеет укрыться за деревом.

Так, два фургона, четыре лошади. Явно не купцы и уж точно не солдаты. Будь Малдуат у себя в горах, наверняка заподозрил бы засаду. Слишком беспечны, слишком на виду. А в фургонах запросто можно спрятать полсотни бойцов. Но у равнинников на такое мозгов не хватит. Тем более откуда им знать, что Малдуат поведет своих этой тропой?

За спиной громко засопел его помощник. Тоже равнинник, недотепа.

— Возвращайся к нашим, скажи — я приказал оцепить поляну, — скомандовал горец. — Брать живыми. Фургоны беречь, понятно? И предупреди: если кто шумнет — зарежу.

Малдуат не шутил. И помощник знал: горец не шутит. Значит, постараются не шуметь. Если смогут. Великие предки, досталась же ему команда!

Малдуат был не совсем справедлив к своим людям, по обычным меркам достаточно опытным разведчикам.

Помощник отошел.

Малдуат услышал шум. Воин беззвучно выругался, но тут же сообразил: это не его человек. Кто-то бежал к лагерю. Горец моментально выдернул из-за головы меч и еще через мгновение увидел бегущего. Тот промчался буквально в пяти шагах от

него. Малдуат слышал его тяжелое дыхание. Бегун притормозил рядом с костром и начал что-то втолковывать сидевшему у огня мужчине. Слов Малдуат разобрать не мог, но подбираться ближе не стал. Ни к чему. Сидевший у огня пробубнил в ответ басом. Прибежавший стал с ним спорить. Потеха!

— Готово, — к Малдуату подошел помощник. — Это кто?

Он имел в виду прибежавшего.

— Неважно.

Горец видел троих самерийцев, спрятавшихся за толстым стволом кедра буквально в пяти шагах от костра.

«Фургоны — это отлично, — подумал он. — Оставлю парочку эгерини, половину отряда посажу внутрь, и можно будет ехать, куда хочешь».

Малдуат вложил меч в ножны (вступать в драку он не собирался, сами справятся) и, поднеся ладони ко рту, трижды ухнул филином. Его люди разом выскочили на поляну.

Кадол и Налус не успели опомниться, как оказались на земле с самерийскими мечами у горла. Четверо разведчиков прыгнули в один фургон, шестеро — в другой. Из первого раздался женский крик, а через несколько мгновений наружу выкинули двух женщин и старика. Со вторым фургоном возникла заминка. Малдуат услышал шум, проклятия, чей-то придушенный вопль, затем из фургона кубарем вылетел один из самерийцев и остался лежать. С противоположной стороны фургона выскочила женщина и бросилась в лес. Напрасный труд. Ее тут же перехватили и швырнули на землю.

В фургоне все еще гремело и трещало. Затем, к некоторому удивлению Малдуата, из него выпрыгнул мужчина с двумя топорами в руках. Выпрыгнул — и тут же отпрянул в сторону, избегая стрел. Малдуат запретил своим стрелять, поэтому маневр этот был лишним. Но горец его оценил.

Стрелять не стреляли, но кинулись на эгерини сразу человек восемь с разных сторон: перехватить, если вздумает ударить.

Мужчина, однако, удирать не собирался. Он сам бросился на двоих, что поспевали к нему первыми, и в два удара положил обоих. Малдуат даже прищелкнул языком от удовольствия. Экий молодец!

Но остальные сообразили, что эгерини — не деревенский увалень, и стали осторожными. Больше никто не подставился.

Обложили, как гончие кабана, но чуть раньше эгерини успел отступить, прикрыв спину фургоном, и взять его стало намного трудней.

Малдуат не собирался вмешиваться. Двадцать против одного — вполне достаточно.

Какой-то умник метнул в эгерини меч. Тот с легкостью отшиб его топором. Стоявшие впереди мялись. Никто не хотел первым нарваться на топоры, которыми здоровяк орудовал с большой сноровкой. Оказавшиеся позади тоже не рвались в первый ряд. Малдуат знал, чего они ждут. Ждут, что вмешается воин клана... Или разрешит им взяться за луки.

А Малдуат не торопился. Каждое мгновение, которое эта свора трусливых равнинников топталась в бездействии, покрывало их позором. И самое смешное, они даже не думали об этом. Малдуат искренне развлекался.

А его помощник, который тоже не ввязывался в схватку, стоял рядом и не решался поторопить начальника.

Нифру и Фаргал подошли к лагерю, когда схватка уже фактически закончилась. Прижатый к фургону Большой вряд ли мог повлиять на ее исход. Тем более что Малдуату надоело глядеть на трусость своих подчиненных.

— Ладно, — сказал горец своему помощнику. — Пристрели его.

Нифру, в отличие от Кадола, сразу же заметила чужого. Даже раньше, чем увидела то, что творилось в лагере.

— Стой, — прошептала она, схватив Фаргала за руку. — Тихо.

Самерийцы. Лучше сразу умереть, чем попасть к ним в руки. Все равно живых они не оставляют. Сердце Нифру пронзила боль, внутри все оледенело, а чувства как будто съезжились. Собственная жизнь потеряла всякое значение, но, может быть, ей удастся спасти хотя бы Фаргала?

Нифру начала медленно отступать, увлекая за собой мальчика.

Когда они остановились, Фаргал, даже привстав на носки, не мог видеть происходящего в лагере. Но когда Нифру попятилась, потянув мальчика за собой, Фаргал в просвете между кустами увидел костер, а у костра — лежащих на земле цирковых. И чужих людей с мечами в руках. В то же мгновение, не раздумывая, он вырвал ладошку из руки Нифру, поднял самодельное копьё, которым намеревался обороняться от хищников, и, звонко крикнув, бросился на помощь.

— Фаргал! — в ужасе закричала Нифру. — Вернись!

Помощник Малдуата, наложив стрелу, двинулся к обложенному эгерини.

— Ну-ка расступись! — крикнул он.

Пронзительный возглас за спиной заставил его вздрогнуть. Не рассуждая, он резко повернулся и выпустил стрелу. На звук. Он не знал, что его противник — шестилетний мальчик.

Стрела свистнула над головой Фаргала и ушла во тьму. В следующее мгновение брошенный Большим топор (окружившие его расступились по приказу начальника) воткнулся между лопатками стрелка.

Второй топор отсек руку ближайшего самерийца, кулак циркового разможил переносицу еще одного — и бывший десятник вырвался из круга. Подхватив меч одного из убитых, он тут же воткнул его в ногу самого шустрого из врагов, метнул второй топор — тот с хрустом проломил череп еще одного противника — и зарубил мечом пятого, попытавшегося проскочить под днищем фургона.

— Духи гор! — воскликнул Малдуат.

И они называются воинами!

«Придется вмешаться», — подумал Малдуат и закинул руку назад, ловя рукоять меча.

Нифру с невероятной быстротой начала плести заклинание страха. Она была почти уверена, что чары выйдут ничтожно слабыми, но больше фетсианка ничего не могла сделать.

Фаргал бросился на самерийца, державшего меч у горла Тарто. С воплем он ткнул копьём в бок врага... и сухая палка переломилась, а привязанный к ней нож лишь царапнул по кольчуге. Мальчик был немногим выше пояса солдата, и тот просто отшвырнул его пинком. Но Фаргал тут же вскочил, схватил обломок с привязанным ножом и снова кинулся в атаку. Самериец выругался и замахнулся мечом...

Нога Тарто с завидной точностью угодила самерийцу в пах. С силой, достаточной, чтобы тот уронил оружие и схватился за сокровенное место. Фаргал подпрыгнул, вцепился в шишак самерийского шлема и попытался воткнуть нож в шею врага. Последнее у него не получилось, но тяжести повисшего мальчика оказалось достаточно, чтобы самериец повалился на землю, а его мечом завладел Тарто.

Лет тридцать назад старшина цирковых был неплохим бойцом.

Клинок Малдуата с радующим сердце шелестом покинул ножны... И черная тень накрыла его голову. Вонь ударила в ноздри, ноги горца оторвались от земли, он услышал хруст и не сразу понял, что это ломаются его ребра. Малдуат умер, так и не успев ощутить боль.

Громадный змей, выполнив приказ Господина, разжал челюсти, и человек, упав на землю с высоты восьми локтей, больше не поднялся. Змей же стремительно заскользил прочь.

Сила, неизвестно откуда влившаяся в Нифру, потрясла женщину. Боль, которую она испытывала обычно, творя волшебство, показалась ничтожной в сравнении с той, что обрушилась на нее сейчас.

Зато мощь сотворенных чар превзошла все, творимое ею прежде.

Большой не надеялся победить. Все, чего он желал, — это прихватить с собой в страну мертвых как можно больше врагов. Поэтому, не дожидаясь, пока они пустят в ход луки, бывший солдат сам ринулся в атаку... и остался ни с чем. Самерийцы дружно обратили к нему спины и с воплями рассыпались в разные стороны. Большой опешил. Он подумал сперва, что это какая-то хитрость, но через несколько мгновений на поляне не осталось ни одного врага, способного передвигаться. Даже раненный в ногу, опираясь на меч, как на костыль, ковылял прочь. Бывший солдат не стал его преследовать. Соображал он довольно медленно, если дело не касалось драки. И теперь предпочел, чтобы в происшедшем разбирался Тарто. Благо старшина не пострадал.

Трупы убитых собрали на краю поляны. Раненых без излишней жестокости добили. К счастью, если не считать нескольких синяков и попорченного в драке реквизита, цирковые не пострадали. Это казалось невероятным. Тарто только головой крутил, глядя на трупы и кучу оружия, сложенного отдельно.

— Муж, — проговорила Нифру, — взгляни-ка сюда.

Совсем молодой воин. Грудь — в запекшейся крови, но черты безусого лица удивительно спокойны.

— Ого, — пробормотал старшина. — Это же самерийский горец! Кто его так отделал? Большой! — крикнул он.

— Погоди, — Нифру наклонилась над убитым, развязала куртку. Отсвет огня вспыхнул на кольчужных кольцах.

— Это не я, — подошедший Большой покачал головой, потом, присмотревшись, почесал голову и изрек: — Похоже, как в четыре руки били копьями.

— Переверни его, — сказала Нифру.

В спине самерийца обнаружили точно такие же раны.

— Что скажешь, муж?

Тарто развел руками.

— Это не копьё, — проговорил Большой, ощупав разрывы кольчуги. — Никто не делает копий с круглыми наконечниками.

А где его нашли?

— Налус! — позвал Тарто. — Где ты нашел этого парня?

— Там, — показал тот. — А что?

— Хотелось бы знать, кто его убил!

— А какая разница? — флегматично произнес сын старшины. — Убили, и ладно.

— Знаешь, муж, — задумчиво проговорила Нифру, — а ведь он прав.

Тарто внимательно посмотрел на жену... и ничего не спросил.

— Налус, — сказал он, — проследи, чтобы женщины легли спать. И принеси лопаты.

Мечи и прочее вооружение, кроме разрешенного, по решению Тарто сдали начальнику ближайшей крепости, куда цирковые без трудностей добрались на следующий день. Большой, правда, очень хотел оставить себе меч горца, но Тарто был тверд. Что запрещено — то запрещено. Возмещение за сданное оружие ничтожно, зато слава о цирковых, разбивших целый отряд самерийцев, летела впереди фургонов, устраивая щедрость зрителей, которые — сами профессиональные солдаты — совсем иначе глядели на жонглирующего топорами Большого. А уж Фаргалу, отвагу которого старшина расписывал с невероятным красноречием, просто овации устраивали. Мальчик, впрочем, не понимал, в чем, собственно, его заслуга. Разве можно поступить иначе?

Тогда-то старшина впервые и назвал его с помоста Даром Ашшура. Насколько же он был далек от истины!

* * *

Жрец Мудрого Аша и его прислужник-человек, которого звали Карашшер, глядели в магический кристалл, где в голубом сиянии скользил исполинский змей. Впрочем, только Карашшер видел змея. Маг в этот миг сам был той огромной рептилией, видел ее глазами и чувствовал все, что чувствовало гигантское пресмыкающееся. Более того, как слуга Мудрого, он мог бы превратить в змею, пусть не такую громадную, даже собственное тело. Но последние два века ни разу этого не делал. Он слишком дорожил магической властью, неразрывно связанной с человеческим обликом.

— Выходит, ты ошибся, господин, — осторожно произнес Карашшер.

— Нет, — сознание жреца полностью вернулось в человеческое тело. — У него особый путь, а законы Судьбы выше воли богов. Потому-то отец наш Ашшур оставил дела своего мира.

— Это действительно так? — заинтересовался Карашшер.

— Так говорят. — Серые глаза жреца на миг утратили огонь холодной мощи. Но только на миг. — Мы служим Мудрому. — Последователь Аша сотворил старинный знак уважения, и зеленый огонек, сорвавшись с его пальцев, медленно опустился на мозаичный пол. — Не обращай к тому, чего не можешь понять, и избежешь беды.

Возможно, это была угроза. Карашшер опустил глаза, уставившись на зеленый огонек под ногами, молчал, не решаясь нарушить тишину. Маг был единственным существом, которого он боялся. И Карашшер не мог бы сказать, чего он страшился больше: кары за непослушание или того, что маг выбросит его, как негодную вещь, навсегда забыв о существовании какого-то Карашшера. Воин видел и то и другое (он был не единственным слугой жреца Мудрого) — и каждый раз ужас его был безграничен. Но Карашшер знал, что, пока он нужен хозяину, тот будет терпелив с ним. И воин старался оставаться нужным.

— Я полагал сделать его магом, — сказал жрец Аша. — У него есть и этот талант. Но, похоже, Судьбе угодно создать из него воина.

— Да, мой господин, — согласился Карашшер. — Этот мальчик — прирожденный боец. Он не знает страха.

— Он узнает его, — жестко сказал маг. — Позже.

— Я мог бы стать его наставником, — предложил Карашшер. — Уж бойца я из него сделаю. Лучшего в Четырех Империях!

Маг усмехнулся.

— Нет, — сказал он. — Ты сделал бы из него безупречного воина. А безупречный воин — всего лишь воин. Он слеп. Тот путь, какой ему предназначил я, — путь боли и одиночества. Пусть он познает слабость, пусть станет гибким, как плеть. Тогда никто, кроме держащего рукоять, не сможет угадать, куда он ударит.

— А рукоять держать будешь ты? — угадал Карашшер.

— Да, — сказал маг. — Так угодно Мудрому... и мне.

Глава 7

Фаргал разбежался и, высоко подпрыгнув, вскочил на подставленные ладони Большого, оттолкнулся — и вот он уже стоит, выпрямившись, у Большого на плечах. Мимошка бросил им, один за другим, пять ножей и застучал в маленький барабан, задавая ритм. Ножи замелькали в воздухе. Фаргал и Большой жонглировали в четыре руки. Отполированные клинки вспыхивали на солнце. Фаргал сам придумал этот номер, и они с Большим два месяца разучивали его, сначала с деревянными жезлами. Лезвия у ножей затуплены, но жала острые. Ошибка — и получишь серьезную рану. Но партнеры не ошибались. Они на диво хорошо чувствовали друг друга.

— Хоп! — крикнул Мимошка, и один из ножей взлетел высоко вверх, а четыре разом полетели в деревянную мишень.

Пятый нож Фаргал поймал зубами и ловко спрыгнул на землю.

— Ну как? — спросил он Мимошку.

— Отлично!

— Не очень-то, — проворчал Большой, подходя к мишени, на которой был намалеван человек с длинными белыми волосами: пират-кушога.

Ножи, брошенные Большим, воткнулись в жирную бурую кляксу, обозначающую рот. Один из ножей, брошенных Фаргалом, попал точно в глаз кушога, а вот второй валялся на земле.

— Ты куда целил? — поинтересовался бывший десятник. — В солнышко?

Фаргал молчал.

Большой выдернул пару ножей и бросил Фаргалу.

— Ну-ка! — сказал он.

Фаргал прищурился, резко взмахнул руками. Ножи, дважды перевернувшись в воздухе, ударили в мишень. Правый — в глаз, левый — на ладонь в сторону, у самого края доски.

— Еще раз! — потребовал Большой, возвращая Фаргалу ножи.

Мальчик повторил бросок. На этот раз левый попал в цель, а правый едва не продырявил учителя. Большой уклонился, подобрал нож и не глядя, сбоку вогнал его в мишень. Точно в нарисованный глаз.

— Баба, — презрительно сказал бывший солдат. — Неуклюжий щенок.

— Но я не могу думать о двух руках одновременно! — запротестовал Фаргал.

— А кто сказал, что ты вообще должен думать? — зарычал Большой. — Бросай, криворукий, а не болтай!

Фаргал метнул ножи... Правый — в цель, левый — куда-то в область «живота» мишени.

— Пятнадцать шагов, — презрительно процедил Большой. — Может, тебе попробовать с трех?

Фаргал надулся.

— Не могу я, — обиженно пробурчал он.

— Сможешь, — сказал бывший десятник. — Это не труднее, чем бросать вверх раскрашенные палки.

— Ну это-то у меня выходит получше, чем у тебя, — с оттенком превосходства заявил Фаргал.

Большой многозначительно щелкнул по своему ремню. Фаргал на всякий случай отошел подальше.

— Дядя, давай я ему скажу, — вмешался Мимошка.

— Ты? — Большой состроил гримасу. — Да ты и так-то не сможешь.

— Неважно. Слушай, малой, ты правую ногу вперед не ставь, нет, и левую тоже, ровно встань, понял? Во! Теперь бросай!

Фаргал метнул ножи. Левый опять ушел в сторону, но намного меньше, чем раньше.

— Шею не напрягай, — посоветовал Мимошка. — И на мишень прямо не смотри, пусть руки смотрят.

Большой открыл рот, чтобы высказать все, что он думает по поводу советов племянника, но тут Фаргал снова метнул ножи... и оба клинка угодили в цель!

— Еще раз! — потребовал бывший солдат.

Новый бросок был так же точен.

— Не понимаю, в чем тут дело, — пробормотал Большой, — но прими мое уважение, племянник. Может, сам попробуешь?

— Не, это не мое! — засмеялся Мимошка. — Мое вот! — и махнул сальто назад.

— Я тоже так смогу! — заявил Фаргал.

— Сможешь, — согласился Мимошка. — А вот он — нет! — и сделал пренебрежительный жест в сторону Большого.

— А в лоб? — поинтересовался бывший солдат.

— Если поймашь! — ухмыльнулся Мимошка. — Это тебе не железяки кидать.

— Дурак, — констатировал Большой и Фаргалу: — Ты что стоишь, работать будем или уши чесать?

* * *

Пройдя по северному Эгерину с запада на восток, труппа Тарто повернула на юг. Через десять месяцев фургоны цирковых уже были в двух тысячах миль от самерийской границы. Труппа кочевала от города к городу, нигде не останавливаясь дольше чем на три дня, если не считать Мокрого месяца, который цирковые провели в гостях у Владыки Земли Шуруж, предоставившего Тарто кров в обмен на шесть представлений, данных во дворце. В этом месяце умерла жена Налуса. Умерла так же тихо и незаметно, как жила.

Фаргал продолжал расти как на дрожжах. В семь лет он выглядел ровесником Бубенца, хотя тот и сам был не из мелких. Внешне мальчик тоже изменился. Волосы его потемнели, брови стали совсем черными, а на переносице образовалась горбинка — намек на характерный «хищный» профиль, который через много лет будут чеканить на золотых монетах Карнагрии. Еще он выучился читать и писать. Причем не только по-эгерински, но и ажурной фетской звукописью, которую мало кто понимал к северу от гор Яго. Нифру находила, что у Фаргала способности к каллиграфии. Сам же мальчик изучил фетское письмо только

из уважения к жене Тарто. Он привязался к фетсианке больше, чем к кому-либо из цирковых. Фаргал восхищался ею и завидовал Мимошке, который называл ее мамой.

В конце предпоследнего месяца года, именуемого в Эгерине месяцем Благодеяния, а в Карнагрии — Желтым, труппа остановилась в маленьком южном городке со смешным названием Корешок.

* * *

Фаргал подрался с Бубенцом. Повод был ничтожный. Когда Фаргал наконец ухитрился прижать противника к мостовой, он уже и забыл, что они не поделили.

— Сдаюсь, — пискнул Бубенец.

Все чаще и чаще их потасовки заканчивались победой Фаргала, хотя Бубенец был на три года старше.

— Ну ладно, — сказал победитель, убрал колено с груди побежденного, поднялся и увидел прямо перед собой брюхастого, богато одетого горожанина.

— Молодец! — похвалил тот и манерно похлопал в ладоши. — Как тебя зовут, мальш?

Фаргал молчал. Толстяк ему сразу не понравился, а уж когда назвал малышом...

И это в полных семь лет!

— Ты очень красивый мальчик! — произнес толстяк и умильно улыбнулся.

Длинноногий и мускулистый (результат постоянных тренировок), Фаргал уже в семь лет был сложен как юноша. Но черты его лица, тонкие и гармоничные, в сочетании с большими серыми глазами в обрамлении длинных загнутых ресниц вполне могли бы принадлежать девушке, а не семилетнему мальчику...

Фаргалу никто раньше не говорил, что он красив. А ему самому это в голову не приходило. Вот Нифру действительно красивая. Или маленькая дочка Мили.

— Очень. Очень красивый, — повторил толстяк и вытянул гузкой влажные губы.

Фаргал опять промолчал.

Бубенец поднялся с земли, отряхнулся и встал рядом.

Горожанин щелкнул пальцами.

Тут Фаргал обратил внимание на носилки, около которых топталась четверка рабов, и еще одного человека, не раба, свободного, почтительно стоящего в нескольких шагах позади.

По знаку толстяка этот человек приблизился и подал хозяину вместительную бархатную сумку.

— На вот, возьми!

На пухлой ладони горожанина лежал ком липкой медовой пастилы.

Фаргал не шелохнулся. Толстяк ему не нравился все больше и больше.

— Ну тогда ты возьми. — Горожанин протянул сладь Бубенцу. — Вы нездешние?

— Нет, — ответил Бубенец, взяв угощение: он никогда не отказывался от подарков. — Мы цирковые. Вечером будем давать представление на площади. Приходите.

— Обязательно приду! — Толстяк, подмигнув Фаргалу, двинулся к носилкам.

— Богатый, — уважительно сказал Бубенец. — Видал, какие перстни?

Фаргал передернул плечами.

— Ну что, — спросил он, — двинем к нашим или еще пошатаемся?

— Вернемся — Мили нам опять какую-нибудь дурацкую работу найдет, — сказал Бубенец. — Будто у нас рабыни нет...

О богатом горожанине они забыли еще раньше, чем съели подаренную пастилу. И удивились, когда, вернувшись на рыночную площадь, обнаружили рядом с фургонами трупы знакомые носилки.

Толстый горожанин толковал о чем-то с Тарто. В руках он держал кошелек, но, судя по лицу старшины, разговор был неприятный. Наконец Тарто решительно мотнул головой и отошел, оставив толстяка в одиночестве. Тот постоял немного, глядя, как Кадол, Мимощка и Налус готовят место для вечернего представления, затем спрятал кошелек и ушел.

— Ага, явился, — сердито сказал Тарто, увидев Фаргала. — Марш в шатер и чтоб до завтрашнего утра оттуда ни шагу!

— Деда, ты что? — изумился мальчик. — А представление?

— Без тебя обойдемся! Ишь, любимец публики! — Старшина хмыкнул.

— Это из-за того, толстого? — догадался Фаргал. — Что ему надо?

— Купить тебя хочет, — сказал Тарто.

— То есть как? — удивился мальчик. — Я же не раб!

— Покупают и продают, парень, не только рабов. — Тарто взял его за руку и повел к шатру.

— Но это несправедливо!

— А кто тебе сказал, что у нас справедливый мир? — Старшина усмехнулся. — Ладно, не бойся, никто тебя не продаст!

— Я не боюсь! — Фаргал нахмурился. — Но почему я должен сидеть в шатре из-за какой-то жирной крысы? И зачем я ему?

— Ты будешь сидеть в шатре, потому что я тебе велю! — рассердился Тарто. — Марш! — и, подзатыльником придав названому внуку нужное направление, отправился к сыновьям.

«Жирная крыса» заявила, что является старейшиной и казначеем этого города. Власть и деньги. Такой не понимает слова «нет».

Никого из своих Тарто в случившееся посвящать не стал. Им выступать. Старшина лишь сообщил, что сегодня труппа работает без Фаргала. И еще, без всяких объяснений, попросил Большого присмотреть за парнем.

Фаргал сидел в шатре и сквозь щель смотрел на сполохи факелов вокруг помоста. Он видел множество голов и изгибающуюся в танце фигурку Нифру. И огромную луну, повисшую над крышами домов. Из-за этого гигантского, налившегося мертвенной синевой шара все остальное казалось игрушечным. Игрушечные домики, люди-куклы и рокоток барабана — словно стрекочущий кузнечик.

Нифру завертелась волчком и упала. Танец окончен. Сейчас Кадол, Мили и Мимошка пойдут с чашами для сбора, а Большой возьмет Нифру на руки и унесет со сцены. Не для пущего эффекта. Жена Тарто настолько выкладывалась в танце, что часто и впрямь не могла подняться сама.

Луна завораживала. Фаргал не мог оторвать от нее глаз. Холодок пополз у него по спине. Не осознавая, что делает, мальчик поднялся, откинул полог шатра и шагнул в ночь.

Вокруг ни души. Все, кто был на рыночной площади, собрались вокруг помоста. Фаргал слышал шум толпы, но как будто издалека. Даже лошади, привязанные всего в тридцати шагах от шатра, — словно в нескольких милях. Ноги сами по себе понесли Фаргала прочь, мимо опустевших рядов, к узенькой, уходящей вверх улочке. Луна пропала, заслоненная стенами. От канавы тянуло смрадом нечистот. Ни одного огонька в высоко расположенных окнах, только редкие звезды вверху, между почти сомкнувшимися крышами.

Фаргал, не думая ни о чем, переставлял ноги. Он не чувствовал вони, и темнота его не тревожила. Он знал, куда нужно идти. Остальное словно бы потерялось в синем тумане...

Большой, Тарто и Нифру подошли к шатру. Фетсианка куталась в шерстяной плащ — ей было холодно.

— Фаргал, — позвал старшина, откидывая полог.

В ответ молчание.

— Его нет! — воскликнул Тарто, заглянув в шатер. — Нифру!

— Вышел прогуляться, — предположил Большой, но фетсианка уже выпростала из-под плаща руки. Пальцы ее осторожно искали что-то в ночном воздухе. Тарто напряженно следил за ней, а Большой, подняв повыше факел, озирался по сторонам.

Пальцы Нифру сжались, словно ловя невидимую нить.

— Погасите огонь, — чуть слышно проговорила она.

Тарто выхватил у Большого факел, швырнул на мостовую и затоптал.

— *Агеон ис, агеон ан, агеон сян со...* — наговаривала на старофетском Нифру, перебирая пальцами. — *Агеон ма, агеон цза, агеон лу фон...*

Голубая ниточка потянулась от ее руки в темноту. Слабенькая, еле заметная.

— Там, — дрожащим от напряжения голосом проговорила фетсианка.

Большой глядел, приоткрыв рот.

Тарто толкнул его кулаком в спину:

— Беги, дурень! Быстро!

И бывший солдат, грохоча сапогами, устремился за голубой паутинкой. Тарто обнял жену, взял ее руку:

— Держись, моя хорошая!

Топот тяжелых сапог затих — Большой вбежал в проулок.

Фаргал почувствовал: цель уже рядом. С одной улочки он свернул на другую, пошире, поднялся по ступеням. Впереди, за аркой, была Верхняя площадь — самое высокое место в городе. Днем они с Бубенцом поднимались сюда, смотрели на острые крыши и зубчатую змею городских стен. Вокруг площади располагались два храма, Великого Ашшура и Прекрасной Таймат, пустующий дворец Владыки и дома «хозяев» города. Днем здесь топталась по меньшей мере дюжина стражников. Ночью их должно быть еще больше, но почему-то, когда Фаргал пересек тень древней арки, Верхняя площадь оказалась безлюдной. Никого.

Мальчик остановился на мгновение, повернул голову... Туда, понял он, и двинулся к цели. Но не успел сделать и двух шагов, как ноги его оторвались от земли.

В темной щели улицы голубая нить была видна на добрых двадцать шагов. Большой бежал изо всех сил и, поскольку дорога все время шла вверх, запыхался. У лестницы ему пришлось перейти на шаг. Слева и справа поднимались каменные стены в три человеческих роста. Впереди, наверху, — высокая арка с зубчатой башней наверху.

Большой смахнул пот со лба, и... голубая волшебная паутинка исчезла.

Пальцы Нифру разжались. Путеводная ниточка угасла, а фетсианка бессильно повисла на руках мужа. Тарто скрипнул зубами, но все, что он мог сделать, — это отнести жену в шатер, накрыть потеплее и ждать, уповая на милость Ашшура. Волшебство поглотило все силы Нифру и иссякло вместе с ними.

Большой выругался и в три прыжка преодолел оставшийся кусок лестницы. Перед ним лежала голая площадь, озаренная лунным светом, а впереди, всего в нескольких шагах...

— Ур-р! — яростно выдохнул Большой и рванулся вперед.

Фаргал пришел в себя и обнаружил, что его куда-то несут. Он дернулся...

— Ага, очухался! — раздался у него над ухом знакомый бас. — И куда это ты нацелился на ночь глядя?

— Отпусти меня! — потребовал мальчик. — Я сам пойду!

— Сам так сам! — Бывший солдат поставил парнишку на ноги. — Давай топай, только в канаву не свались, потом год не отмоешься!

— Ну здесь и вонища! — Фаргала била дрожь, а ноги подгибались, как после долгого бега. Он крепко вцепился за руку мужчины. — Как мы сюда попали?

— Как *ты* сюда попал? — Большой издал смешок. И тут же насторожился, услышав топот ног.

Свет факелов озарил серые стены и выпуклые камни мостовой. С соседней улочки вынырнула четверка вооруженных мужчин. Большой отчасти успокоился, увидев шлемы с эмблемой городской стражи.

— Кто такие? — властно спросил один из них.

— Цирк, — ответил Большой. — Стоим у вас на рыночной площади.

— А что по городу шастаете? — недоверчиво спросил другой.

— Да малец вот заблудился. — Большой кивнул на Фаргала.

Стражник поднес факел поближе, убедился, что перед ним действительно мальчик, и спросил более мягким голосом:

— Завтра-то будете выступать?

— Я думаю. Сбор сегодня хороший.

— Ага, ну ладно. Придем и мы глянем, а то сегодня, вишь, в карауле. Ну-ка мы вас проводим, а то еще заплутаете.

Четверо стражников окружили цирковых. Бывший десятник забеспокоился, но солдаты довели их до рыночной площади, убедились, что Большой не соврал, и отправились восвояси.

— Ну и куда тебя понесло? — спросил Тарто.

Все цирковые, кроме Налуса, сторожившего снаружи, собрались в одном шатре, и в нем стало тесновато.

— Я не помню, — ответил Фаргал.

Глаза его слипались, ужасно хотелось спать.

— То есть как не помнишь? — воскликнул Кадол. — Прошел половину этого вонючего городишки и не помнишь? Да мы тут...

— Помолчи, — оборвал его Тарто.

Его сын открыл было рот... и закрыл.

— Нифру, — обратился к жене старшина, — что ты скажешь?

Фетсианка сидела, завернувшись в одеяло (ей все еще было холодно), Мили обнимала ее за плечи.

— Да, — ответила Нифру. — Мальчик может забыть, это обычно.

— Большой? — Старшина повернулся к бывшему солдату.

— А что я? Ты сказал беги — и я побежал. Ну и догнал парня.

— Что-нибудь странное видел?

— Ну... нет, ничего.

— Ладно, — сказал Тарто. — Для тех, кто еще не знает. Ко мне сегодня подходил один местный заправила, хотел купить Фаргала: приглянулся ему наш мальчик.

— А морского ерша в задницу он не хочет? — фыркнул Большой.

— Много предлагал? — поинтересовался Кадол и тут же схлопотал затрещину от Мили.

— Если он способен нанять колдуна, то можно ожидать и других неприятностей, — сказал старшина. — Мой вопрос: следует ли нам утром покинуть город? Кадол?

— Нет. Послушай, отец, на второй день в таких городишках самый сбор, мы...

— Я тебя понял. Большой?

— Согласен с Каолом. Не по деньгам. Ясное дело, хотя вот сбрую новую покупать надо, сам знаешь, ну, в общем, стыдно нам удирать от какого-то местного купчишки!

— Мили?

— Я как муж.

— Нифру?

— Я... не уверена, что волшебство... как-то связано с тем купцом.

Тарто посмотрел на Фаргала. Мальчик задремал. Словно ему и дела не было до их решения. Старшина никогда не забывал: с Фаргалом связана некая тайна. Следовательно, с парнишкой может случиться все, что угодно. С другой стороны, боги должны заботиться о своих любимцах.

— Мы остаемся, — решил старшина. — Кадол, через два часа сменишь брата, ты, Большой, будешь сторожить после Кадола. Спокойной ночи.

На следующий день трупца дала целых два представления: после полудня и на закате. Оба — с полным успехом. Поразмыслив, старшина решил, что можно остаться еще на один день.

Ночь выдалась, не в пример прошлой, темная и ветреная. Ближе к полуночи начался дождь, и Кадол, которому выпала вторая стража, до этого честно обходивший кругом лагерь, спрятался под навес, к лошадям. Может, и к лучшему вышло: сторож, он на виду, ему и стрела первая или нож в спину. Кирасы да коль-

чуги — это для воинов и благородных. Прочим в Эгерине воинское снаряжение запрещено.

А в шатре спал старый Тарто рядом с умницей-женой. Спал, напрыгавшись да навертевшись за два представления, Бубенец. Спал неторопливый Налус, а вот постель Мимощки пустовала. Приглянулся шестнадцатилетний акробат кому-то из горожанок. Обычное дело.

А Фаргалу снился красивый сон. Будто стоит он на берегу большой реки, такой широкой, что еле-еле виден противоположный, заросший лесом берег. Стоит и машет рукой перевозчику. И рука у Фаргала мускулистая, толстая, как у Большого, а на поясе, у бедра, настоящий меч...

Взрезать ткань шатра умелому человеку — один взмах ножа. Три взмаха — три дыры по два локтя длиной. Довольно, чтобы пролезть внутрь.

Воры напали втроем, разом. Один выскочил рядом с Налусом, второй — поближе к Тарто, третий — там, где громоздились мешки с реквизитом. Этот, третий, замешкался, но оплошность его роли не играла. Первый — в одной руке дубинка, в другой масляная лампа, — не раздумывая, треснул по голове спящего Налуса, второй так же проворно приставил нож к горлу Тарто. Мог бы и убить, но убивать без нужды было не велено. Третий, перебравшись через груды мешков, бросился к входу и мигом распустил шнуровку. Затем подскочил к проснувшемуся Бубенцу, схватил его за волосы.

— Не тот, — прошипел бандит с лампой.

В шатер ввалился четвертый, наставил снаряженный лук.

— Только кто пикнет! — шепотом предупредил он.

Тарто сжал кулаки, но не пошевелился: сталь ножа холодила кожу на горле.

— Бери мальчишку и сматываемся! — процедил тот, что с лампой.

Третий отбросил ничего не понявшего Бубенца, схватил за руку Фаргала, лежавшего рядом с сыном Налуса... и вскрикнул.

— Закрой пасть, ублюдок! — зарычал тот, что с лампой.

— Укусил, гаденыш! — Бандит поглядел на окровавленную руку.

Он ошибся. Это был не укус.

Фаргал проснулся, когда ножи воров вспороли шатер. Спросонья он не сообразил, что происходит, и если бы бандит первым схватил его, а не Бубенца, мальчик не сумел бы дать отпор. Но несколько мгновений решили дело. Пара метательных ножей лежала у изголовья его постели. Так же, как и у Большого. Воров Фаргал не испугался, а когда один из них схватил его за руку, мальчик тут же полоснул по ней ножом. Порез был ничтожный (Фаргал еще никогда не использовал нож против человека и чиркнул неумело), но пальцы бандита тут же разжались.

— Дай ему по башке! — прошипел тот, что с лампой. — Быстрой, урод!

Бандит замахнулся... и захрипел. Метательный нож по рукоять вошел ему в горло. Фаргал, с двадцати шагов вгонявший его в глаз нарисованного кушога, не мог промахнуться с расстояния четырех локтей даже в неверном свете масляной лампы.

— Быстрой, недоносок! — Тень третьего бандита падала на Фаргала, и тот, что с лампой, не видел броска. — Ухоряя, помоги ему!

Четвертый громила опустил лук, шагнул вперед... и его приятель, вернее, теперь уже труп приятеля повалился прямо на него. Громила, выругавшись, оттолкнул труп, и тот рухнул на взвизгнувшего Бубенца. Первый вор вскинул лампу...

Фаргал не испытывал ни страха (он вообще никогда ничего не боялся), ни волнения — только холодную ярость. И никогда еще он не мыслил так четко и ясно. Бросок, миг выбора: в кого метнуть второй нож?.. Клинок, приставленный к горлу Тарто (Фаргалу почему-то вспомнилась та, давешняя схватка с самерийцами), бросок, влажный хруст — и пронзительный вопль. Метательный нож воткнулся в глаз вора.

Тарто, горлу которого уже не угрожала сталь, вскочил на ноги и бросился на бандита с луком. А тот, сообразив, от кого исходит смерть, уже целился в Фаргала.

Он не промахнулся бы с трех шагов, а Тарто не успел бы его остановить, но Нифру подняла руку, произнесла три слова — и масляная лампа в руке первого бандита потухла. Рука лучника дрогнула, и стрела лишь пробила стенку шатра.

Первый бандит, отшвырнув бесполезную лампу, вслепую размахивал дубинкой. Пальцы Тарто сдавили горло стрелка, тот

ударил рогом лука старшину в живот, и руки старика разжались. Седьмой десяток все-таки.

Но помощь уже была рядом. В шатер ворвался Кадол, сразу наткнулся на чужого и, захватив его шею в замок, согнул так, что у вора затрещал позвоночник.

Первый бандит, сообразив, что дело не выгорело, нырнул в дыру и кинулся наутек, туда, где оставались с лошадьми еще двое из шайки.

Его-то и увидел выскочивший из шатра Большой и бросился наперерез.

Бегать бывший солдат был не горазд. Вор оказался намного проворней, но, добежав до улочки, где пара его приятелей изнывала от беспокойства, держа на поводу шестерых коней, бандит вдруг рассвирепел и с воплем «Убью!» ринулся на Большого.

Два коновода, бросив лошадей, тоже схватились за кистени.

Они не знали, с кем имеют дело.

Отмахнувшись левой рукой от дубинки, Большой снизу вспорол топором живот бандита. Шар кистеня ударил бывшего солдата по спине, но тот только крикнул и с левой ударом кулака свалил второго противника. Выдернув топор, Большой поднырнул под оружие третьего и почти без замаха всадил топор ему в грудь. В горле у бандита булькнуло. Только три раза — удар был смертельный.

Большой засмеялся. Не то чтобы ему нравилось убивать... но хорошая драка согревает кровь!

Схватив за шиворот вора, оглушенного ударом кулака, бывший солдат поволок его к лагерю.

А с другой стороны рынка, топоча и звеня доспехами, бежали стражники. В Корешке они, как и во многих других местах, появлялись последними.

Нифру присела у постели Фаргала, коснулась его гладкой щеки:

— Как ты себя чувствуешь, малыши?

— Хорошо-о... — Мальчик потерся лицом о ее ладонь. — Посиди со мной.

— Посижу... — Фетсианка нашла запястье Фаргала, нащупала пульс. Сильный и ровный.

— Спи, мой хороший, — проговорила она, прибавив к своим словам чуточку магии. На всякий случай. Скорее всего, в этом

не было необходимости. Скорее всего, мальчик уснул бы и без ее помощи. Похоже, события этой ночи отразились на нем намного меньше, чем можно было ожидать.

Когда Фаргал уснул, Нифру покинула его и тоже легла.

— Как он? — спросил Тарто.

— Храбрец, — прошептала фетсианка. — Никогда бы не сказала, что этот малыш только что убил двух человек...

— Двух преступников, — поправил Тарто. — Он защищал нас с тобой...

— Все-таки это тяжелое испытание для такого малыша... — прошептала Нифру. — Самому убить человека...

— Да, ты права, — согласился старшина. — Я впервые убил, когда мне было семнадцать. И я помню, как это было. Может, он просто не понял, что убил? — предположил Тарто.

— Нет, — возразила Нифру. — Он понял. Но это не затронуло его души.

— Да-а... — протянул старшина. — Он — необычный малый, наш Фаргал. Не знаю, хорошо ли это?

Нифру молчала. Ей нечего было сказать...

Глава 8

Справедливости цирковые так и не добились. Пойманные воры, сообразив, что за них самих никто не заступится, дружно указали на того, кто заказал похищение. Но судья и слушать их не стал. С невероятной поспешностью обоих повесили. Сострадательные люди посоветовали Тарто поскорее убраться из города.

Пока были живы воры, оставалась возможность поискать справедливости у Владыки, но теперь жаловаться стало бессмысленно.

Тарто велел собираться. В конце концов, никто из цирковых не пострадал, а делать им в Корешке больше нечего.

Начало следующего дня Фаргал встретил на пути к морю, а еще через шесть дней трупца разбила лагерь на высоком обрыве над Колыбелью Солнца, как называли в Эгерине океан, обнимающий землю Ашшура с востока.

— А что там дальше, на восходе? — спросил Фаргал, глядя на синюю равнину, всхолмленную резким северным ветром. Эгеринский трехмачтовик с туго натянутыми ветром парусами

спешил домой и шел так близко от берега, что можно было разглядеть черные буковки имени на темно-коричневой обшивке.

Парусник назывался «Удачливый».

— Никто не знает.

Пальцы Нифру ловко сортировали розовый жемчуг, две горсти которого Тарто купил неделю назад. Через месяц эти жемчужины украсят кожаный пояс Кадола.

— Даже владеющие магическим зрением бессильны заглянуть за край моря, — сказала женщина.

— А у моря есть край?

— Наверное. У меня на родине говорят, что край у моря твердый и опирается на боевой щит Ашшура.

— А на что опирается сам щит?

— Ни на что. Это же щит бога.

Фаргал нахмурил брови, соображая.

— А какой он, Ашшур? — спросил мальчик.

Фетсианка оторвала взгляд от жемчуга, посмотрела на Фаргала.

— Никто из смертных не видел Верховного бога, — сказала она. — Даже своим жрецам он никогда не является воочию.

Жемчужины снова заскользили между смуглыми пальцами.

— А другие боги? — спросил Фаргал.

— Одного я видела.

Глаза мальчика округлились.

— Честно?

— Слово! — Нифру приложила руку к сердцу.

— И как?

— Так себе! — Женщина засмеялась. — Толстый и нос как клубень батата. Это фетский бог, — пояснила она. — Император Фетиса. Севернее гор Яго никто не верит в его божественность. А вот божественность Яго признают даже дикие варвары кансу. Они даже делают его личины!

Нифру снова засмеялась.

— Почему ты смеешься? — удивился Фаргал.

— В Фетисе любой мальчишка знает: у Яго нет лица.

— Как это?

— У него вообще нет тела и облика. Яго во всем.

Фаргал мигнул. Это было слишком сложно для его ума. Нифру сжалась.

— Когда-то, — сказала она, — у Ашшура был сын. Ашшур подарил ему наш мир, очистив его от старых богов. И сын его правил Четырьмя Империями тысячу тысяч лет. Так говорят. И было у сына Ашшура две жены-богини, Всадница Ирзаи и Прекрасная Таймат. И обе любили мужа, как умеют любить только богини. И любовь их оказалась так велика, что сын Ашшура был разорван ею пополам. Хоть тоже был богом. — Нифру лукаво улыбнулась. — А поскольку он был богом, — продолжала рассказчица, — то каждая половинка тоже стала богом. Одну из них нарекли Яго, а другую — Аш.

Нифру поглядывала на Фаргала, слушавшего ее с приоткрытым ртом и блестящими глазами, и вспоминала, как ей самой, пятилетней девочке, рассказывали сказку о разорванном боге. О том, что это сказка, Нифру узнала, когда уронила первую кровь. А спустя три года маг Хестис открыл ей истину: детская сказка о Таймат, Ирзаи и разорванном сыне Аша — правда. Но такая правда, которую, верно, не постичь человеческому уму. Даже уму мага.

* * *

— Ха!

Деревянный меч Фаргала стукнул о бамбуковый щиток на ноге Большого, слишком высоко поднявшего щит.

— Я достал тебя, достал! — радостно завопил мальчик.

И тут же, охнув, согнулся пополам. Меч наставника ткнул его в живот, оставив вмятину на коже куртки.

— Нечестно! — отдышавшись, возмутился Фаргал. — Я тебя ранил!

— Но не убил, — невозмутимо парировал бывший солдат. — Всего-то какая-то дырка в ноге. А ты уже труп.

— Ах так!

Фаргал взмахнул мечом, но Большой ловко подставил щит и ногой пихнул мальчика в колено. Тот растянулся на траве, и деревянный клинок наставника коснулся его шеи.

— Еще один труп, — констатировал Большой. — Четвертый сегодня, да?

— Пятый, — мрачно поправил Фаргал и отпихнул меч Большого.

— Вот это будет воин, — сказал Мимошка Бубенцу. — Не то что ты!

— Если бы дядька возился со мной столько, сколько с ним... — пробормотал Бубенец. Но, вспомнив, что Фаргал его друг, а завидовать стыдно, добавил: — Дед же говорит, что он — дар Ашшура? Если б меня сделал бог, я бы тоже...

— Я думаю, его делали так же, как и тебя! — Мимошка засмеялся. — Просто ты, братишка, немного трусоват.

— А ты дурак! — обиделся Бубенец.

— Прекрати, Пушинка, — сказал Тарто четырехлетней внучке, пытавшейся вскарабкаться по его спине.

— А ты дай мне барабан! — потребовала Пушинка. — А то буду залезать, пока не дашь!

— А по попке? — спросила Нифру.

— А вот и нет!

Девчушка отпрыгнула назад, уперла кулачки в бока и показала Нифру язык.

— Ага, кто бабушку дразнит? — подошедший сзади Кадол подхватил Пушинку под мышку, шлепнул и опустил на землю.

Девочка фыркнула, одернула тунику и с интонацией Мили заявила:

— А тебя не спрашивают!

— Кыш! — сказал Кадол. — Вон мать идет!

— Где? — испуганно спросила Пушинка. И не обнаружив Мили, радостно запищала: — Соврал, соврал!

— Как сходили? — спросил Тарто сына.

— Не сошлись. Корабельщик просит три золотых за каждый день.

— Ну и ладно, поедем по суше, не расстраивайся, — сказал старшина.

Кадол сел рядом с матерью (Нифру ласково потрепала его по затылку), вынул кошель и передал его Тарто.

— Что слышно с юга? — спросила Нифру.

— Да ничего. Войны нет. Кушцы торгуют, пираты их грабят, а сокты грабят пиратов. Вот и все новости. Да, еще жрецы Таймат объявили третий день месяца Обновления большим праздником богини. Работать запрещается, воевать — тоже. Мир и любовь, одним словом. Император должен издать соответствующий указ.

— Ну, месяц Обновления еще не скоро, — заметил Тарто. — К тому времени мы будем далеко.

— В Верталн? — равнодушно спросил Кадол.

— В Верталн. Пора показать Фаргалу столицу.

* * *

Верталн, первый город империи Эгерин, не так уж велик в сравнении, скажем, с Великондаром¹ или Кандиуром². И сравнительно молод — какие-нибудь полторы тысячи лет. Расположенный на северном берегу реки с тем же названием, Верталн в последние столетия так густо оброс предместьями, что подножие его стены можно было увидеть только со стороны реки, а городки и селения лепились друг к другу так плотно, что не оставалось места для полей: одни огороды и маленькие садики. Зато десятки оросительных каналов избороздили землю, сотни дорог и дорожек паучьею сетью разбежались во все стороны от столицы. Впрочем, главных дорог только четыре. Две уходили на север, третья пролегла в сторону моря, по левому берегу реки, четвертая — на запад. Милях в десяти от нее ответвлялся южный тракт, ведущий к мосту через Верталн и дальше, к большому приморскому городу Буэгри. Западная же ветвь прорезала густые кедровые леса предгорий и заканчивалась на печально знаменитых серебряных рудниках.

Фургоны цирковых (теперь их стало три), переправившись через Верталн по каменному мосту (самому большому в Эгерине), свернули на восток и покатались к столице вдоль левого берега реки. По правую руку — возделанные земли, по левую — пологий речной берег. Рыбачьи хижины на черных от ила сваях; бесконечные сети, развешанные на столбах; ребятишки, плещущиеся на мелководе. Неистребимый запах рыбы — справа и аромат цветущих садов — слева. А сзади и спереди — пыльная дорога, и по ней нескончаемым потоком телеги, повозки, всадники; стада коров и отары овец, которых гонят на убой, чтобы накормить эгеринскую столицу.

¹ Великондар — столица Карнагрии.

² Кандиур — столица Самери.

Фаргалу было весело. Он одинаково широко раскрытыми глазами взирал и на рослых воинов Императора, ударами хлыстов расчищавших дорогу, и на тощего деда-пастуха, с помощью трех страхолюдных псов ухитрявшегося направлять гурт жалобно блеющих овец в нужную сторону. Вон благородный едет на кауром жеребце в окружении слуг. Тощий и важный жрец Аша с громовой стрелой на остроконечной шапке вышагивает, помахая посохом. Безногий нищий копошится в дорожной пыли прямо под копытами лошадей.

— Дед, — спрашивает Фаргал, — здесь столько зрителей; почему мы шатаемся по волчьим углам?

— Приедем в столицу — сам поймешь, — усмехается старшина.

Он тоже любит большие столичные дороги, скрип десятков тележных колес, ругань погонщиков и мычание понукаемых воллов. Но еще больше Тарто любит новые земли и особенно места, куда не доберется ни один бродячий цирк. Любит не потому, что там щедро платят. Вернее, не только поэтому.

— Смотри, — говорит он названому внуку. — Это Верталн.

Фаргал вскакивает, прикрывает глаза ладонью, козырьком, от солнца. И верно, милях в десяти впереди какие-то башни.

— Куда прешь, кривая спина! — звонко кричит кому-то Бубенец, обосновавшийся в последнем фургоне. И после паузы, видимо, в ответ на реплику «кривой спины»: — Отец твой ворует рыбы хвосты! Жена его — шлюха, а ее вонючий...

Слышится бас Большого, Бубенец замолкает, а Фаргала мучит зависть: его язык подвешен далеко не так хорошо, как у приятеля.

Западные ворота Вертална, тридцать шагов от одной сторожевой башни до другой, распахнуты во всю ширь. И все равно плотно сбившаяся масса желающих въехать в столицу заняла без малого четверть мили. Цирковые фургоны движутся со скоростью улитки, правая упряжная нервничает и пытается дотянуться зубами до ноги погонщика на соседнем возу. Гвалт стоит невероятный, но Тарто совершенно невозмутимо восседает на своем месте, а Фаргал, взобравшись на верх фургона, глазееет на толчею перед воротами, где по меньшей мере дюжина стражников и столько же чиновников-сборщиков суетятся вокруг фургонов и телег, взимая деньги и выглядывая подозрительные

физиономии. Здесь только въезжают — желающие покинуть столицу могут сделать это через любые из двух северных ворот.

Сразу же за привратными башнями поднималась сплошная стена, превращавшая въезд в Верталн в подобие тупика. Тем не менее заплатившие въездную пошлину и оказавшиеся внутри куда-то девались. В чем тут фокус, Фаргал узнал, когда цирковые фургоны наконец миновали ворота и двинулись вслед за груженной овощами арбой налево, в узкую щель между двумя крепостными стенами.

— Это зачем? — спросил Фаргал старшину.

Тарто щелкнул кнутом над головами лошадей, чтоб пошевеливались, и неторопливо пояснил:

— Предположим, ты враг. Предположим, ты разбил ворота. А дальше что? Войдут твои солдаты в этот коридор, а на головы им с двух сторон — кипящее маслице. А из привратных башен — баллисты и лучники. Это, малыш, военная ловушка. Будешь когда-нибудь водить войско — держи ушки на макушке.

— Я запомню, — деловито сказал мальчик. — А какие еще бывают ловушки?

— Это ты у Большого спроси, — уклонился старшина. — Он у нас солдат, а я так, понемножку.

— Врешь ты, дед! — засмеялся Фаргал. — Нифру рассказы-вала...

— Вот пусть она и рассказывает. — Тарто прищурил единственный глаз и насмешливо поглядел на внука. — Ты лучше не болтай, а смотри!

Защитная петля кончилась, и фургон выкатился на вымощенную крупным булыжником площадь. Половину ее занимал рынок, к которому тут же свернула ехавшая впереди арба, а за второй, открытой, возвышался белый, легкий, словно сотканный из кружев храм богини Таймат.

Фаргал застыл с открытым ртом, а фургон не спеша катился вперед, постукивая железными обручами колес, прямо под сень высокого портика, над которым, раскинув руки, словно собираясь взлететь, наклонясь вперед, на цыпочках замерла изваянная из белого мрамора прекрасная богиня. За ее спиной вскинулись снежные, как будто просвеченные солнцем крылья. Запрокинутое лицо с распущенными волосами и чуть приоткрытым ртом было невероятно красиво.

— Никогда не пойму, как это сделано, — пробормотал старшина. — Каждый раз еду и боюсь — вдруг рухнет?

Фаргал удивленно посмотрел на него:

— Кто рухнет?

— Да она.

Тарто показал кнутом на статую.

Фаргал шевельнул бровями. Он не понял деда. Сам-то мальчик знал наверняка: если богиня и покинет свой пьедестал, то не упадет, а взлетит.

Здрав голову, Фаргал глядел на мраморную Таймат, и на какое-то мгновение ему показалось, что богиня слегка склонила голову набок и посмотрела на него.

Фургон докатился до края площади, тень простертой руки Таймат коснулась головы Фаргала — и волосы у него на затылке поднялись дыбом: у мальчика возникло такое ощущение, будто чьи-то прохладные пальцы коснулись его макушки.

* * *

Фургоны оставили на постоялом дворе. Заплатив особо за охрану, а за самой охраной оставив приглядывать рабыню-карнагрийку, цирковые отправились гулять по столице.

Тарто в Верталне знал каждый переулок, и для каждого переулка у него находилась своя история. Но Кадол, Мимошка и Налус слышали эти истории раз по десять, потому не прошло и часа, как их рядом не оказалось. Затем отстал Большой, встретивший приятеля-ветерана (не зря в Эгерине говорят, надолго расставаясь: «Увидимся в Верталне»), а потом, прихватив дочку, отделилась и Мили, зачарованная витринами ювелирных лавочек. Таким образом, их осталось четверо: Тарто, Нифру, Бубенец и Фаргал. Тарто рассказывал истории, Фаргал внимал, а Бубенец клянчил подарки. Иногда они останавливались, чтобы послушать уличных музыкантов или поглядеть на кукольников, представлявших какую-нибудь сказку или кусочек из жизни давно умерших императоров.

На каждой площади, даже на пяточках перекрестков кто-нибудь да пытался увеселить народ: мимы, жонглеры, танцоры,

фокусники. Но народ столицы, казалось, уже насытился зрелищами. Если и собиралось вокруг десятка два любопытных — уже много.

Фаргал понял, почему Тарто предпочитает возить свой цирк по окраинным землям. Здесь им не заработать и пригоршни медных монет. Одна лишь Нифру с легкостью затмила бы уличных плясуний, но дед и здесь разочаровал Фаргала, сказав, что настоящие танцовщицы не пляшут на улицах. На то есть Императорский театр и дворцы благородных вельмож — тут Тарто ухмыльнулся, потому что именно во дворце танцевала Нифру, прежде чем старшина цирковых сумел ее умыкнуть и сделать своей женой.

Очень скоро Фаргал почувствовал, что ум его доверху переполнен новыми впечатлениями. Пестрая толпа, причудливые решетки вокруг дворцов, уличные фокусники, бродячие собаки, слоняющиеся под каменными мостами и вдоль городских каналов...

Угадав его состояние, Нифру предложила пообедать.

В харчевню заходить не стали, расположились на траве, близ поскрипывающей водяной мельницы. По узкому каналу плавали утки, время от времени нырявшие в грязную воду. Бубенец запустил в них камнем и тут же схлопотал подзатыльник.

Фаргал жевал кусок сдобренного чесноком пирога с гусятиной и смотрел на Нифру.

Фетсианка устроилась под искривленной зонтичной пальмой. Опершись спиной на светло-желтый ствол, она вытянула ноги (глянцевые виноградные листья на ее бедрах казались более живыми, чем короткая тусклая трава) и маленьким ножом срезала морщинистую верхушку плода мигони. Затем деревянной палочкой аккуратно вынула кусочек сладкой сердцевины и отправила в рот. При этом ни одна капля оранжевого сока не упала на ее тунику. По маленьким ступням Нифру ползали муравьи. Фаргалу даже глядеть на это было щекотно, а фетсианка не обращала на насекомых никакого внимания. Мальчик вспомнил, как донимали их москиты на кринских болотах, всех, кроме Нифру. Ее не укусили ни разу.

Фаргал доел пирог, запил водой из собственной фляжки и вытер руки о траву. На противоположной стороне канала вода пле-

скалась прямо у кирпичных фундаментов. Фаргал подумал, что Верталн, конечно, красивое место, но жить здесь ему не хочется. Слишком тесно.

* * *

— Довольно крупный мальчишка. Для своих лет, — заметил Карашшер.

Таким же тоном он похвалил бы лошадь.

Маг промолчал. Ему было безразлично мнение Карашшера. Жрец Аша специально приехал в Верталн, чтобы взглянуть на Фаргала. Последователь Мудрого бога желал убедиться, все ли идет как надо. Магия ясновидения плоха тем, что она — магия. В нее можно вмешаться и наложить ложный след, иллюзию. А вот обмануть глаза такого чародея, каким был слуга Мудрого, способен разве что обладающий силой бога.

Жрец стоял на крыше дома и отлично видел расположившихся на противоположной стороне, на узкой зеленой полоске, людей. Никто из них, даже колдунья-фетсианка (в первую очередь она), не могли увидеть его самого. Жрец придирчиво разглядывал Фаргала, но не рост и здоровье мальчика интересовали его. Слуга Мудрого пытался обнаружить ниточки чужого волшебства. Ребенок с такой судьбой все равно что каменная скала на равнине. Скрыть его от умеющих видеть необычайно трудно. Но пока удастся.

— Завтра утром мы уезжаем, — через некоторое время произнес маг.

— Может быть, стоит приглядеть за ними здесь? — предложил Карашшер, которому не хотелось покидать Верталн. — Мало ли какие опасности встречаются в здешней столице.

— Рыбу в воде не оберегают, — сказал слуга Мудрого. — К тому же завтра утром уедут и они.

— Куда?

— Неважно. Важно, что через два года в это же время они будут в Буэгри.

Карашшер не спросил, почему это важно. Его хозяин все равно не удостоил бы воина ответом.

«Через два года в Буэгри, — подумал Карашшер. — Надеюсь, мы не проторчим все эти два года в его подземельях».

Опасения Карашшера не оправдались. Спустя несколько месяцев маг отправил его в Великондар.

На следующее утро Тарто, несмотря на недовольство половины цирковых, велел собираться.

— Нам тут нечего делать, — заявил он. — Верталн — город бездельников.

И они уехали. Как всегда решение старшины было окончательным.

Глава 9

Маршрут, который выбрал Тарто на этот раз, вел сначала на север, по тучным срединным землям империи, потом сворачивал на восток, к морскому побережью. Первое выступление труппа устроила в большом селении милях в пятидесяти от Вертална. Сборы оказались умеренными: лишь несколько дней назад из селения ушли бродячие кукольники.

Всю первую неделю цирковые ночевали на постоянных дворах. На тракте пошаливали разбойники, а местный Владыка, занятый сварой с соседом, даже не пытался навести порядок. А может, люди Владыки и грабили.

Срединный Эгерин довольно скучен. Бесконечные поля и пастбища, глиняные хижины арендаторов, огороженные частоколами усадьбы землевладельцев, грязные поселки, где тощие свиньи и еще более тощие ребятишки роются в отбросах, а обленившиеся стражники постоянно норовят содрать сверх положенного. Но с Тарто эти фокусы не проходили.

Наконец равнинные земли кончились, вокруг тракта зашумел лиственный лес. Часть его принадлежала непосредственно Императору, часть — вообще никому, но под пашни деревья тут не вырубали. Какой-то тысячелетней давности закон запрещал тревожить эту землю плугом. Здесь уже не встречалось постоянных дворов, и близ дороги то и дело попадались следы стоянок. Но Тарто никогда не устраивал лагерь на обочине, на виду. Опасно. Хотя вдали от границ разбойнички цирковых особо не задевали. Добыча невелика, а то, что среди циркачей полно колдунов, ни для кого не секрет.

Как только миновали густонаселенные земли, Фаргал заметил, что Нифру на каждой стоянке уходит из лагеря и возвра-

щается затемно. Причем уходит одна. Это было необычно. Понятно, если в лес идут мужчины с луками, понятно, если уходят Большой с Мили или кто-нибудь из сыновей Тарто уводит по мужской надобности рабыню-карнагрийку. Но Нифру-то ушла одна.

Фаргал терпел долго, почти целую неделю, но потом не выдержал.

Улучив момент, когда никто не обращал на него внимания, Фаргал нырнул в чащу. Он запомнил, в каком направлении ушла Нифру, и, пробежав не больше четверти мили, углядел впереди ее черноволосую голову. Теперь следовало быть очень осторожным. Выслеживать фетсианку потрудней, чем оленя. Зеленая одежда Нифру сливалась с зеленью листьев, и мальчик боялся потерять женщину из виду. Но подойти ближе тоже опасался: если Нифру его обнаружит, то в лучшем случае немедленно отправит обратно в лагерь. Фаргал, впрочем, почти убедил себя, что не совершает ничего плохого. Он сказал себе, что идет за Нифру, исключительно чтобы помочь, если что случится. Обмануть самого себя не так уж трудно... если очень хочется.

Примерно через милю фетсианка остановилась. Фаргал тут же упал на землю и зарылся в заросли папоротника. Спустя некоторое время он решился поднять голову. Нифру стояла неподвижно, запрокинув голову. Трава вокруг нее была усыпана желтыми листьями. Из травы кое-где выглядывали алые головки ядовитых грибов.

Нифру присела, погладила ближайший по яркой шляпке. Фаргал был разочарован. Если фетсианка уходит, чтобы собирать лекарственные растения, это совсем не интересно. Но очень скоро он понял: растения ни при чем.

Нифру развязала пояс туники, сняла ее и повесила на сучок. Затем распустила набедренную повязку. На ней остался только магический талисман на золотой цепочке и кожаный ремешок на правом запястье.

Фаргал много раз видел фетсианку обнаженной. Он знал каждую деталь рисунков на ее коже, каждое перышко сокола, каждый листок винограда... Но сейчас что-то изменилось. Фаргал смотрел на женщину, и до него наконец начало доходить: его поступок не так уж безобиден. Мальчик почувствовал: сейчас

может свершиться нечто запретное. Не зря же Нифру уходит так далеко от лагеря.

Конечно, Фаргал мог встать и уйти. Или хотя бы закрыть глаза...

Но он не закрыл глаза, а наоборот, сгорая от нетерпения, ждал: что дальше?

Нифру выдернула заколки, и черная коса тяжело соскользнула вниз. Женщина поймала ее, смотала с запястья ремешок из тонкой кожи и принялась аккуратно, виток к витку, накладывать его на конец косы. Заинтригованный Фаргал смотрел во все глаза.

Нифру закрепила ремешок. Из сходящихся кожаных колец выглядывал пушистый кончик. Как кисточка.

Фетсианка сжала между ладонями волшебный камень, наклонилась к нему, словно что-то нашептывая.

В кронах зашумел ветер, и сорванные листья поплыли между деревьями. Кто-то прошуршал в папоротнике в шаге от Фаргала. Змея?

Нифру разжала ладони и вдруг подпрыгнула высоко вверх, разворачиваясь в воздухе. Тяжелая коса со свистом рассекала воздух.

И началось.

Такого танца Фаргал не видел никогда. Фетсианка вертелась, кружилась, ходила колесом, прыгала вверх, и тогда взлетающая коса сбивала мелкие веточки. Нифру двигалась так быстро, что Фаргал взглядом не поспевал за ней. Он дрожал. Это невероятный танец Нифру заставил его дрожать.

Вдруг женщина резко остановилась. Коса, как живая, обвилась вокруг вытянутой руки, обмотанная кожей часть — в кулаке Нифру.

Фаргал видел, как блестит от пота кожа женщины, видел, как втягивается в такт частому дыханию ее живот и вздрагивают на нем виноградные листья.

Нифру присела, нет, скорее упала на корточки. Веки опущены, рот полуоткрыт. Рука с косой начала медленно опускаться вниз, пушистая черная кисточка скользила по коже: по горлу, между грудями, по животу...

Вдруг тело фетсианки выгнулось назад, и она, страшно вскрикнув, упала на спину.

Фаргал подскочил. Он похолодел от ужаса.